

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2005

[Фафник был впервые опубликован на сайте thedune.ru в 2005 году](http://thedune.ru)

Великое Восстание

Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорбную погибель.

— Второе соборное послание святого апостола Петра

Стадия первая: мессия найден

Джихад (арабский — усердие, рвение) — предписание ислама, предусматривающее применение любых средств для его распространения и утверждения, вплоть до «священной войны» против иноверцев.

Применяется в букв. значении для обозначения излишне рьяной, насильственной политики насаждения определенной точки зрения или идеологии.

— полный современный толковый энциклопедический словарь
(ПСТЭС)

Убийство — лишение жизни разумного существа — ужаснейшее преступление, которое способен совершить человек. Страшнее и

безнравственнее этого является лишь самоубийство, потому что, совершая его, человек попирает величайший из даров: жизнь.

— **приписывается Джеанне Батлер; из ее биографии, составленной Тет'ром Батлером**

Вода была теплой и приятной, Сян Ю не хотелось покидать ее, но она пересилила себя и, подтянувшись руками за холодные металлические поручни, выбралась из люка, оставляя за собой черные мокрые следы.

Отсоединив баллон, девушка глубоко вздохнула: воздух в помещении был затхлым, несмотря на работу вентиляционной системы, гул которой доносился из глубин коридора, образованного толстыми шлангами, кабелями и трубами.

Сян повесила баллон на приспособленный для этого крюк и начала раздеваться. Вскоре на пол сполз поблескивающий в полумраке невесомый акваланг. Ступая босыми ногами по холодному полу, она прошла по коридору в центральную комнату и открыла шкафчик, нащупывая свой комбинезон.

— Голой ты выглядишь очень забавно...

— Отвернись! — приказала Сян.

— Я не смотрел. Все равно не увижу ничего нового... — оправдываясь, отозвался мужчина.

Девушка быстро надела комбинезон и до горла застегнула молнию.

— У тебя дрожат руки...

— Это от холода, Даллик. Включи свет.

Клацнул выключатель: мягкий свет висящего под потолком неоновый светильника заполнил помещение, очертив стоящую у выхода стройную фигуру девушки. Сян Ю поправила упавшие на лицо мокрые черные волосы и обернулась.

— Я не видела твоего баллона.

Вместо ответа Даллик постучал тонкими красивыми пальцами по лежащему рядом с его ногой баллону. Сам он, не сняв акваланга, сидел в луже воды, упершись спиной в гладкую серую стену.

— Зачем тебе это понадобилось? — поинтересовалась Сян Ю.

— Лень... — мужчина пожал плечами. — Или, может быть, решил подкараулить тебя и вспомнить былое...

— Что было, то прошло.

Даллик кивнул.

— Кто-то еще из наших появлялся? — спросила девушка.

— Нет, мы здесь одни. Только ты и я. — Он растянул синие от холода губы в кривой ухмылке. — Тебя это пугает?

— Скорее удивляет. В последнее время ты стал трусоват, я уже, признаться, не ждала, что ты объявишься.

— Что делать? Я полон сюрпризов, — хмыкнул Даллик.

— Тебе удалось что-нибудь узнать? — Сян забралась в большое удобное кресло, стоящее у противоположной стены.

— Ничего существенного. Заключенных перевели в корпус с усиленной охраной, никаких жалоб от них не поступало, — ответил мужчина и вновь приложился к бутылке. Увидев нескрываемое презрение на лице девушки, он ухмыльнулся еще шире.

— Будешь?..

Даллик протянул ей бутылку.

— Ты забыл, из-за чего мы расстались? — холодно произнесла Сян Ю и отвернулась.

Он молча допил вино и отбросил бутылку в сторону.

— Кенал мертв.

— Что?! — Сян вскочила на ноги.

— Самоубийство. Выстрелил себе в голову из лазерного дырокола, — хрипло сказал Даллик, — его мозги размазало по всему кабинету...

Она всхлипнула и отвернулась, пряча слезы.

— Извини, я не знала...

Даллик снисходительно махнул рукой. Он был пьян.

— Старик оставил записку... просил, чтобы я кремировал тело. Без похорон. Увольнение добило его — вчера весь вечер бегал кругами как

заведенный. Собирался отправлять письмо в правительство, даже что-то начал писать... у меня остались черновики.

Он протянул Сян Ю скомканную бумажку. Девушка приняла ее и осторожно развернула: буквы расплылись и потекли, став едва различимыми:

— «Созданная человеческим разумом машина не должна служить заменой создавшему ее разуму», — прочитала она. — Это гениальный документ, Даллик. Я уверена, что он произведет на Совет колоссальное впечатление...

— Его проигнорируют, также как и все предыдущие выступления. Не обманывай себя.

— Мне нужно вернуться домой и обдумать эту новость. — Она старалась придать своему голосу спокойствие и рассудительность, какую часто видела во время выступлений своего отца, но у нее ничего не получалось, голос ломался, слезы струились по щекам. Осознание того, что Кенала — старого, добродушного инженера больше не было с ними, оставило в сердце девушки глубокую рану.

Не в силах больше выносить взгляд Даллика, Сян развернулась и быстро вышла из комнаты, на ходу расстегивая комбинезон.

— Его убил проклятый робот, — хрипло крикнул ей вслед Даллик.

— Что? — девушка вздрогнула и медленно обернулась.

— Может быть, он и застрелился дыроколом, но убил его этот проклятый робот, которым его заменили. Солдаты, дворники, чернорабочие, техники... теперь инженеры. Что будет, если завтра кто-нибудь

математически опишет формулу гениальности? Не будет нужды в художниках и поэтах?..

— Этого не будет, Даллик, обещаю тебе! — яростно сжав кулаки, выкрикнула Сян Ю и побежала прочь.

Загородный дом семьи Пулен — пятиэтажное белое кирпичное здание с алой плоской крышей, был окружен зимним садом, который покрывали высокие, прозрачные полусферы защитных куполов. Растущие здесь клены, вечнозеленые ели, колючие заросли диких роз и аккуратно подстриженный изумрудный кустарник являли собой отрадное зрелище по сравнению с окружающим сад серым зимним пейзажем. Сян нравилось гулять в саду, наслаждаясь пением птиц и тихим шелестом листвы. Благодаря контролю климата в нем никогда не наступало осени или зимы, деревья вырастали и умирали молодыми, ни разу не сбросив свой пышный наряд. В центре главного купола находился стилизованный под естественный источник фонтан, вокруг которого были расставлены белые каменные скамейки. Сидя на одной из них, девушка задумчиво вертела в руках большую алую розу.

— Вы чем-то огорчены, Сян Ю? — прозвучал синтезированный динамиком голос.

Она подняла глаза и увидела стоящего рядом Визерия, их домашнего робота. Он как всегда двигался грациозно и бесшумно, в руке-манипуляторе разумной машины были зажаты ножницы для стрижки кустов.

— Мой друг сегодня умер. — Тихо произнесла девушка.

— Соболезную, — не выражающим никаких эмоций голосом прогудел робот, — могу я знать его имя?

— Это Кенал, верховный инженер Комоса.

Робот моргнул искусственными глазами. Составленное из многочисленных подвижных деталей лицо приняло скорбный вид, напомнив маску актера из греческой трагедии.

— Действительно прискорбно, он был очень хороший специалист... — Визерий умолк, несколько раз щелкнул ножницами и спрятал их в нагрудный карман.

Несмотря на то что роботы не чувствуют жары или холода и созданы из сверхпрочных теплостойких материалов, Визерий предпочитал носить человеческую одежду. Мешковатый комбинезон садовника с большими медными пуговицами и длинными, закатанными до локтей, рукавами висел на нем, как на обглоданном скелете.

— Ты хотел сказать что-то еще, — нахмурилась Сян, — если начал говорить, то всегда договаривай!

Визерий помедлил, вновь моргнул, косо посмотрев на девушку покрасневшим электронным зрачком.

— Инженер Кенал был стар и, как это ни прискорбно, пережил свою полезность. Его смерть — явление закономерное, — бесстрастно закончил он.

Сян скомкала цветок и бросила им в работа, тот отступил на шаг назад и посмотрел на смятую розу, его лицо медленно приняло недоуменное выражение.

— Вы больше не любите цветы? — озадаченно спросил Визерий.

— Он приставил к голове дырокол и выстрелил! — вскрикнула Сян.

Робот помолчал, быстро моргая красными глазами.

— Инженер Кенал знал правила пользования дыроколом, вероятно, он поступил так намеренно. Зачем ему понадобилось лишать себя жизни?

— Его заменили роботом! Тупым металлическим говорящим кретином, который теперь выполняет работу Кенала и делает других железных болванов, которые позже заменят и его тоже! — девушка с яростью вытерла выступившие слезы.

Визерий молча выслушал тираду своей хозяйки.

— Вы несправедливы, Сян Ю. Нельзя обвинять одного человека в том, что совершил другой. Я даже не робот-инженер.

— Ты не человек! Вы — роботы, все вы одинаковы для меня! — запротестовала девушка.

— Мы таковы, какими люди создали нас, — робот пожал тонкими плечами. — Вы пожелали создать нас непохожими друг на друга.

Он снял висящие на поясе секаторы для стрижки деревьев и молниеносным движением срезал толстую ветку. Сян от неожиданности отступила на шаг назад. На мгновение ей почудилось, что робот хочет

напасть на нее. «Какая глупость! — мысленно выругала себя Сян. — У него нет свободы воли».

— Я сделаю фигуру лошади в память об инженере Кенале, — не оборачиваясь, пояснил Визерий, ловко работая длинными, тонкими металлическими руками. — Насколько мне известно, вашему другу нравились лошади.

Какое бы мы ни дали название этой организации, и какую бы цель мы ни преследовали, давая это название, люди, объединенные для общего дела, все равно вскоре станут политическим сообществом.

— **переписка Траяна и Плиния Младшего, «О необходимости создания местной пожарной команды в Никомедии»; из исторических архивов Комоса**

Стремление придать весомости собственной деятельности, необходимость создания религиозного ареола, который обеспечит сплоченность и фанатичную верность последователей, подталкивают многих лидеров искать корни собственных учений во временах античности: золотой эры молодости человечества, когда был заложен фундамент его дальнейшему процветанию.

— Ола Триан, гранд-спикер Комоса, «Об истории и развитии
политических партий и организаций»

Она проснулась рано утром, когда первые лучи солнца начали проникать сквозь высокие створчатые окна. Сян быстро оделась и спустилась на первый этаж.

Облаченный в длинные просторные белые одежды, скрывающие его полноту, экзарх Комоса расхаживал по залу, заложив руки за спину. За массивным дубовым столом, устроившись в высоком кресле, сидел его личный секретарь.

— Мы должны принять все меры, чтобы слух о самоубийстве не распространился...

— Доброе утро, отец, — девушка оперлась плечом о стену и улыбнулась.

Экзарх прервал свою речь, кашлянул, покосившись на секретаря.

— Мы продолжим позже, — медленно сказал он, видя, что Сян не собирается уходить, — мне нужно переговорить с дочерью.

Когда секретарь вышел из зала, Оливер Пулен раздраженно сказал:

— Что тебе нужно, Сян Ю?

— Почему ты хочешь оставить в тайне самоубийство Кенала? — напрямик спросила Сян.

Лицо отца сделалось красным, он стиснул кулаки.

— Это не твое дело!

— Кенал был моим другом, — напомнила девушка.

— Другом?! — фыркнул Оливер. — Он был одержим своими идеями и не замечал никого, но на старости лет, к несчастью, нашел достойных слушателей среди молодых глупцов. Его сняли с должности из-за возраста, а не потому, что он придумал машину, которая смогла превзойти создателя. У него не было семьи, друзей или близких, только невежды, которым нравилось слушать его глупости — видимо, он наконец-то, устал и от этого.

— И все же, отец, почему ты не хочешь, чтобы люди узнали правду о его смерти?

— Из-за тебя, Сян, — нахмурился Оливер. — Из-за глупых, недальновидных идеалистов, которые хотят видеть нашу планету не жемчужиной человеческой цивилизации, а сборищем грубых немых дикарей. Кенал Востер был... в некотором роде духовным лидером для вас, его бредовые проповеди о правлении мыслящих машин воспринимали близко к сердцу. Для всего Комоса будет лучше, если причина его смерти не будет обнародована.

— Кенал отдал жизнь, чтобы другие люди поняли опасность, исходящую от мыслящих машин, а вы пытаетесь лишить его даже этого! — крикнула Сян.

— Дочь, Кенал сам создавал мыслящие машины, — терпеливо напомнил Оливер. — Человек должен быть безумцем, чтобы призывать людей бороться с собственными творениями.

— Все совсем не так, — запротестовала девушка. — Кенал всегда говорил, что машины лишь инструмент, за которым всегда стоят алчные и глупые люди, которые станут использовать их в своих целях и заведут человечество в тупик.

— Тупик?! — возмутился экзарх. — Девочка, ты не понимаешь, о чем говоришь. За свою жизнь ты не видела ничего, кроме великолепия и роскоши, которую мы построили. Во времена наших прадедов-колонистов людям приходилось самим возделывать поля и печь хлеб. Теперь у нас есть сотни автоматических печей, есть фабрики, которые шьют нам одежду, и машины, которые строят дома!

— В твоих схемах я не вижу места только для одного — для самого человека. Машины пекут хлеб, машины строят дома и стригут сады, и разводят леса, и роются в земле. А что в это время делает человек? В чем заключается смысл его жизни, если машины лишили его работы?

— Облегчили ему работу...

— Лишили работы, отец. Так, как они лишили Кенала смысла его жизни! — воскликнула Сян.

— Мы не могли держать этого старика на ответственном посту вечно, — пожал плечами Оливер, — довольно об этом, ты утомила меня, дочь. Я требую, чтобы ты немедленно нашла мать и обсудила с ней, что ты оденешь на похороны своего друга.

— Похороны? Но Кенал завещал, чтобы его кремировали, он много раз говорил Даллику, что не хочет никаких пышных похорон...

— Даллик? — Оливер взял стоящий на столе бокал с вином. — Тебе следует проводить меньше времени наедине с этим пьяницей...

— Он вовсе не пьяница, — возмутилась Сян. — Даллик художник!

— Несколько картин в Зале Искусств — еще не повод считать себя художником.

— Ты напрасно так думаешь, отец, — девушка попыталась улыбнуться. — Твои картины тоже мне всегда нравились. Скажи мне, когда ты в последний раз брал в руки кисть или карандаш?

— У меня сейчас нет времени. Ты еще молода, Сян, и не понимаешь, что такое жертвовать собой ради любимого дела, видеть, как твои труды дают результат и улучшают жизнь миллионам людей. Ты и другие атлеты должны понимать, что правительство не лишено здравого смысла, никто никогда не даст машинам достаточно власти, чтобы вершить судьбы людей.

— По-твоему, нам остается только молиться о том, чтобы правительство и дальше оставалось разумным? А что, если однажды кто-то захочет дать машинам больше власти?

— Правительство открыто для всех, — Оливер пожал плечами. — Я уже много раз говорил, что, будь атлеты более сдержаны в своих высказываниях и менее дикими в своих манерах, мы бы давно включили ваших представителей в парламент.

— Пока вы предпочитаете сажать нас в тюрьмы, — негодуяще напомнила Сян. — Что случилось с задержанными на прошлой неделе демонстрантами?

— Их содержат в нормальных условиях, — сообщил экзарх, — есть закон о проведении массовых шествий в столице, а закон для Комоса всегда был превыше всего. Нарушители порядка проведут под стражей установленный нами срок и будут отпущены.

— В следующий раз помните, что атлеты вдвое сильнее и лучше подготовлены, чем ваши жалкие стражи, — усмехнулась Сян. — Моих друзей держит в тюрьме только нежелание калечить людей. Но если и впредь вы будете разгонять нас, как провинившихся детей, вам придется применять мыслящие машины.

— Ступай прочь, дочь, — хмуро приказал Оливер. — Я устал от твоих глупостей. Мы обсудим это позже.

Продолжая улыбаться, девушка покинула зал, оставив отца наедине с бокалом вина. У дверей, тихо беседуя, стояли представители торговых компаний. При виде Сян Ю они замолчали и поочередно склонились в вежливых поклонах.

— Экзарх готов продолжить прием, — сообщила девушка и проследовала по длинному коридору в столовую.

За столом сидела мать, о чем-то весело беседуя с Визерием. Лицо робота имело чрезвычайно довольный вид, сегодня он избрал пышный шелковый костюм в викторианском стиле с кружевным воротником, подчеркивающим высокую, тонкую шею. Безволосую голову Визерия венчала черная широкополая шляпа, придавая ему нелепый вид.

— Ты похож на пугало, — заметила Сян, садясь рядом с матерью.

— Доброе утро, Сян Ю, — бесстрастно сказал в ответ робот, продолжая улыбаться.

— Не обижай Визерия, — попросила мать, — он очень интересно рассказывал про древнюю историю.

Благодаря регулярным визитам в салоны красоты, леди Оливия выглядела не старше своей дочери: белая кожа и длинные черные волосы делали ее одной из самых прекрасных женщин Комоса. В детстве Сян Ю восхищалась красотой матери, но позже, осознав всю ее искусственность, начала презирать Оливию.

— Я пересказывал то, что прочитал в библиотеке, — смущенно сказал робот.

«Теперь он пересказывает тебе книги, будто ты маленький ребенок, — раздраженно глядя на мать, подумала Сян, — что дальше? Заставишь его думать за себя?»

— Сян Ю, вам известно, что атлетами во времена античности назывались люди, которые стремились к физическому совершенству? — спросил Визерий.

— Известно, — кивнула девушка, легко разрывая руками мягкий апельсин. — Потому мы и выбрали себе такое название. Нельзя полагать, что нам больше никогда не придется заниматься ручным трудом — что будет, если завтра все наши заводы выйдут из строя, и мы окажемся без необходимых для жизни средств?

— Я выйду из строя, только когда изнаются мои движущиеся детали, — сообщил Визерий, — а этого не случится в ближайшие восемьдесят лет, после того как их успешно заменят, я смогу без неполадок работать еще столько же. Вам не нужно беспокоиться об этом, Сян Ю.

— Откуда я знаю, что тебе заменят суставы? Или что до этого времени с тобой не приключится ничего плохого? — парировала девушка. — Недавно во время строительства один из роботов был раздавлен огромной мраморной плитой, говорят, им не удалось восстановить его мозги — их раздробило на мелкие кусочки.

— Ох... — Визерий воспроизвел горестную гримасу. — Я не подумал об этом, простите.

— Ты не должен думать за нас, — назидательно подняв палец, заявила девушка. — Именно поэтому мы против увеличения роли мыслящих машин в обществе, а вовсе не потому, что хотим вас всех уничтожить.

— Я слышал, что во время прошлых беспорядков двое людей напали на робота-стюарда и били его камнем по голове, пока их не арестовали, — заметил Визерий, — это весьма прискорбно.

— Ты не все знаешь, — покраснев, пробормотала Сян, — те люди были пьяны и не соображали, что делают. Люди спьяну и друг другу часто вредят...

— Потому я тебе и говорю держаться подальше от этого Даллика, — вмешалась в разговор Оливия. — Он слишком много и слишком часто пьет, как будто вино может помочь ему улучшить свои творческие способности.

— Я рассталась с Далликом, мама, — напомнила девушка.

— Но ты продолжаешь видеться с ним!

— Сян Ю, — Визерий решил тактично прервать начинающийся скандал, — я приготовил вам небольшой подарок.

Он поднялся со стула, подошел к стоящей у окна тумбе и взял в руки какой-то прямоугольный предмет. Девушка осторожно приняла его и с удивлением обнаружила, что это картина: выложенный маленькими ветками, камушками и листьями портрет Кенала Востера.

— Спасибо, Визерий, — искренне сказала она, принимая подарок. — Это ты сам сделал?

Ладонь робота была холодной и шершавой — металлический каркас был покрыт пластинами, сшитыми из тонкой сверхчувствительной серебряной ткани, чтобы эмитировать работу цепких пальцев и давать роботу возможность держать маленький и хрупкие вещи.

— Я подражал художникам, работы которых есть в Зале Искусств.

Сян недовольно нахмурилась, вспомнив слова Даллика. Картина Визерия вовсе не была гениальной, к тому же он явно списал ее с одной из фотографий Кенала, что не составило труда — воспроизвести черты лица с помощью подходящих по фактуре и цвету листьев... можно ли назвать это творчеством?..

— Я повешу его в своей комнате, — пообещала Сян. — Спасибо, это очень важно для меня. Ты должен понимать, что Кенала не удастся заменить. Люди неповторимы.

— Меня можно заменить, — сказал робот, — людей не заменяют, так поступают только с машинами.

— Пока я жива, тебя никто не заменит. Обещаю! — сказала Сян.

— Благодарю вас, — механически отозвался Визерий.

— Ты куда-то собираешься, дочь? — спросила леди Оливия. — Не забывай, что сегодня похороны инженера Востера...

— Кенал был моим другом, — терпеливо пояснила девушка, — неужели ты думаешь, что я забуду о таком событии? Я обязательно приду, вместе со своими друзьями. А сейчас я хотела бы ненадолго отлучиться, может быть, поплаваю с аквалангом.

— Как хочешь. — Оливия пожала плечами. — По-моему ты слишком много времени уделяешь праздному времяпровождению.

— Плавание это вовсе не «праздное времяпровождение»! — возмутилась Сян.

«Во всяком случае, не такое праздное, как посещение салонов красоты и просмотр бесконечных развлекательных программ...»

— Вы видите рыб, морские актинии или иные подводные формы жизни, когда погружаетесь? — заинтересовано спросил Визерий.

— Конечно. Маска сделана из прозрачного стекла, чтобы можно было ориентироваться под водой. — Сян часто забывала, насколько ограничен в своих знаниях робот: он мог процитировать любую строку из прочитанной книги, рассуждать на философские и религиозные темы, но иногда проявлял

потрясающую наивность и незнание элементарных вещей. — Когда я плаваю возле рифа, то часто вижу очень красивые косяки ярких рыб, а водоросли такие густые, и их так много, что кажется, будто под водой растет лес.

— Очень жаль, что я не могу присоединиться к вам, — признался Визерий, — возможно мне удастся изготовить акваланг, который защитит мои чувствительные детали от воздействия воды, как плащ из пленки защищает меня от дождя.

— Тебе совершенно точно понравится. Подводное плавание — мое любимое занятие.

Сян вежливо попрощалась с матерью и Визерием и направилась в свою комнату, где на вешалке рядом с роскошными платьями и деловыми костюмами висел тонкий чешуйчатый акваланг.

...Отравленная вода у причала была зеленоватой, темной и переливающейся радужными волнами. Пленка переработанного горючего и отходов затягивала ее, скрывая песчаное дно. Сян села на каменном пирсе, свесив ноги. Тонкие, изящные пальцы пробежали по застежкам акваланга, проверяя их, коснулись дыхательной трубки, поправили натянутую на глаза маску.

Скоростной катер, обдав пристань волной, остановился, по самую корму погрузившись в воду. Рев двигателей медленно затихал, когда выдвижной трап коснулся причала рядом с безмятежно наслаждающейся морским пейзажем девушкой. Выходящие из катера люди недоуменно смотрели на ныряльщицу, но она, брезгливо отвернувшись, игнорировала их

— большинство жителей Комоса были толсты и уродливы, или же, напротив, обладали ослепительной красотой, которую им обеспечивали клиники пластической хирургии и замедленного старения. Этот контраст всегда раздражал Сян, она никогда не видела больных людей или калек, изредка ей попадались притягательные своей серой и неприметной внешностью рабочие-шахтеры, немногочисленные бригады которых усердно сопротивлялись автоматизации горнодобывающей отрасли. Шахтеры были сильны, их лица покрывали морщины и яркий загар — им приходилось работать рядом с установками, которые прожигали земную твердь и с помощью активной плазмы создавали огромные шахты, где добывали железную руду, золото и другие минералы. Когда-то давно Сян мечтала устроиться работать в шахту, следить за тем, чтобы температура в котле не превысила максимальной, направлять ослепительный луч, который обрацал твердый камень и глину в пепел и пар, ездить на громадном пневматическом конвейере вместе с вагонетками, полными осколков железной руды. Но шахтерских бригад на Комосе было немного, и устроиться в одну из них было непросто, к тому же родители и слышать не хотели об этом увлечении своей дочери, а самой Сян не хотелось лишать кого-то из шахтеров работы...

Сян Ю оторвалась от своих мыслей, глубоко вдохнув соленый воздух, прижала к лицу маску и прыгнула. Побеспокоенная гладь воды сомкнулась над ней, и девушка оказалась в полумраке — грязная, мутная вода нехотя пропускала солнечный свет, и плавать у причалов было немного жутковато. Девушка энергично заработала ногами, отплывая подальше от катера, его двигатель вполне мог проглотить ее вместе с водой, и тогда техники, работающее на судне, получили бы вместе с прочим морским мусором раздавленную о фильтр ныряльщицу.

Чем дальше она отплывала от причалов, тем чище и прозрачнее становилась вода: пронзающие ее лучи уходили глубоко и почти касались дна. Темно-зеленая россыпь планктона и органического мусора сменилась лазоревой, небесной чистотой. Сян нырнула глубже, но так и не увидела дна — оно терялось в темной толще воды и казалось, что она плывет над бесконечной бездной. Девушка включила прикрепленный к ноге скутер и, расслабившись, наслаждалась потоком воды, обтекающим затаенное в акваланг тело, пока впереди не начали вырисовываться корявые силуэты кораллового рифа.

Здесь кипела жизнь — чуждая, странная, притягательная, играющая тысячами ярких красок. Многочисленные рыбы вихрем окружили Сян, избегая встречи с ее руками. Водоросли и актинии медленно колыхались, повинувшись неспешному течению, в расщелинах рифа сновали крабы, изредка мелькали чешуйчатые змеи, тараша на человека маленькие выпученные глазки.

Сян обогнула риф и подплыла к огромному рукотворному поплавку, который покачивался на волнах, надежно удерживаемый несколькими металлическими тросами, крепящимися на огромных, вделанных в каменистое дно крюках. Девушка легко открыла люк и вынырнула сквозь круглое отверстие, ухватившись руками за металлические поручни.

...В этот раз Даллик оставил свой баллон возле шлюза, там же лежали акваланги Тимера, Петра и Мария. Все они сидели в центральной комнате за столом, весело переговариваясь и обсуждая какие-то недавние события. При виде Сян все вежливо отвернулись, дождавшись, пока она переоденется.

— Господа, — как можно серьезнее сказала девушка, — предлагаю почтить память безвременно оставившего нас инженера Кенала Востера минутой молчания.

Она дождалась, пока все члены клуба встанут и, подойдя к каждому из них, поочередно пожала протянутые руки.

— Сегодня я счастлива быть с вами, — высокопарно произнесла Сян. — Несмотря на то, что Кенал оставил нас, он знает, что его дело живет и процветает!

— Где ты была так долго? — озабоченно спросил Тимер.

— Я думала, мы собираемся вчера, как обычно.

— Вчерашний день был днем траура, — Петр повязал на рукаве черную ленточку, он всегда любит подчеркивать свои эмоции с помощью одежды: носил яркие цвета, когда был весел и счастлив, предпочитал темные, когда впадал в депрессию. Сегодня он выбрал нейтральный серый комбинезон. Сян одобрительно кивнула.

— Вы уже знаете, что правительство собирается устроить пышные похороны? — спросила девушка.

— Против воли Кенала, — зло прошипел сквозь зубы Даллик. — Они читали его письмо, я сделал копию и разослал всем членам Совета.

— Мы должны бойкотировать похоронную церемонию, — заявил Тимер, убирая упавшие на глаза длинные каштановые волосы.

— В столице происходят странные дела, — вмешался Марий. Он происходил из богатого и знатного рода, и его семья, в отличие от домочадцев экзарха, не любила уединение и жила в апартаментах на одной из главных улиц столицы. — Появилась новая партия, ее члены не имеют никакого отношения к технократам, в городе их называют умеренные, но сами они зовут себя «Псы Комоса».

— Мы можем рассматривать их как союзников? — заинтересовалась Сян.

— Не думаю, они ненавидят атлетов так же, как и технократов. Говорят, что мы больные фанатики, которые хотят отбросить Комос в каменный век, — негодуя фыркнул Марий.

Сян только покачала головой, вспоминая, что сказал ей отец. Неужели атлеты действительно выглядят в глазах простых граждан такими дикарями?

— За что выступают эти умеренные? — спросила Сян.

— Они приветствуют частичное присутствие самообучающихся машин в повседневной жизни.

— Это лучше, чем позиция технократов, — похвалила девушка. — Примерно за это выступаем и мы!

— Сян Ю, мы ведь уже много раз обсуждали это с тобой, — терпеливо напомнил Петр. — Мы ничего не добьемся, оставив даже часть машин, мы должны полностью исключить их фактор из жизни Комоса.

Девушка нахмурилась, но все же согласно кивнула. Ей не нравилась та позиция, которую заняло руководство атлетов. Большинство их лидеров

считало мыслящие машины злом, с которым нужно бороться огнем и железом. Возможно, такой взгляд был правильным, но Сян понимала, что далеко не все жители Комоса смогут выжить в обществе, где нет места выполняющим за них всю тяжелую работу машинам. Пройдет много времени, прежде чем атлеты смогут обучить их трудиться самостоятельно или хотя бы управлять процессами, которые сейчас отданы под контроль мыслящих машин и компьютеров.

— Умеренные имеют солидные шансы попасть в правительство на следующих выборах, — сказал Тимер, — безработные провинциалы и шахтеры поддерживают их...

— Я думаю, нам стоит пойти на переговоры с этим «псами», — предложила Сян.

— Ты ведь не хочешь перейти на их сторону? — спросил Даллик.

— Мне про них почти ничего не известно, — пожала плечами девушка.

— Вскоре нам всем предстоит познакомиться с этими людьми, — заметил Петр, — «Псы Комоса» обещали выставить почти двести человек для обеспечения безопасности похорон Кенала Востера. Они называют это «гражданской когортой».

— Плагиаторы, — фыркнул Даллик.

Атлеты называли свои вооруженные бригады фалангами, заимствуя этот термин из времен античности — эры, когда человечество еще не знало космических путешествий и мыслящих машин. Умеренные, судя по всему,

решили использовать ту же терминологию, за исключением того, что они предпочитали Рим античной Греции.

— Им разрешат официально участвовать в организации похорон? — спросил Тимер.

— Не знаю, — признался Марий. — В правительстве много говорят об этом, но активных действий в поддержку умеренных никто не принимал.

— Что твой отец знает обо всем этом? — поинтересовался Петр.

— Он ничего не говорил мне про новую партию, — Сян Ю была удивлена и уязвлена недоверием отца, он мог сколько угодно презирать увлечения дочери, но раньше никогда ничего не скрывал от нее. — Сегодня у него были люди из столицы, они о чем-то долго разговаривали.

— Тебе не известно о чем они говорили? Жаль...

— Сколько атлетов будет присутствовать на похоронах? — спросил Тимер.

— Мы думаем выставить сто человек, — ответил Петр.

— Это меньше, чем у Псов, — возмутился Марий.

— Верно, но большинство наших сейчас находится в тюрьмах или числится в бегах, их появление в столице не останется незамеченным, — объяснил Петр. — К тому же сто человек вполне достаточно, мы ведь планируем сорвать похороны, а не взять столицу под контроль. Мы проведем одно выступление и растворимся в толпе.

— Нам также нужно заручиться поддержкой жителей Пилоса, — напомнил Даллик. — Без хорошей речи не обойтись...

Он выразительно посмотрел на Сян.

— Я справлюсь, — сказала девушка.

— Мы рассчитываем на тебя, Сян Ю, — кивнул Петр серьезно.

— Я вас не подведу...

— Сиана, — терпеливо сказал Даллик и положил руку ей на колено, — мы знаем, что ты не согласна с Петром, но это еще не причина бросать атлетов...

Сян улыбнулась и смахнула его ладонь, Даллик всегда называл ее Сианой, она пыталась объяснить ему, что правильно ее имя звучит как Сян Ю Пулен, но он только повторял: «Ты — Сиана, моя Сиана». Даллик был из тех людей, которые любили рисовать свои подробные генеалогические древа и знали всех своих предков, вплоть до времен Старой Земли. Он любил повторять, что его семья происходит из континентальной Европы, как будто это давало ему какие-то права или способности. Даллик даже изучал архаичный язык, на котором говорили его предки. «В знании своего прошлого есть великая сила, когда-нибудь ты поймешь меня», — любил повторять он. Она не понимала, но соглашалась. Из всех своих предков девушка знала и помнила только бабуку, в честь которой ее назвали Сян Ю; в ней ясно отпечатались ее внешность: узкие, выразительные, зеленые глаза, гладкая белая кожа и внешняя хрупкость, сравнимая с изяществом фарфоровых статуэток. Такие черты принято было называть «восточными»,

хотя это название потеряло смысл, когда люди колонизировали другие планеты, выйдя за пределы старой Земли.

— Я вас не брошу! — возмущенно заметила Сян.

Присоединиться к атлетам ее уговорил Даллик. Тогда, будучи безнадежно влюбленной в своего старшего товарища, она думала, что он самый умный и красивый человек в мире, и готова была выполнить любой его каприз. Но годы, проведенные вместе, изменили взгляды девушки — Даллик все чаще прикладывался к бутылке, объясняя это необходимостью поймать Музу и бубня какую-то чушь о красоте аристократического обычая топить неудачи в вине. Но личные отношения не должны перевешивать важность их Дела. Поэтому она знала, что придет на площадь Святого Льва вместе с Петром, Тимером и сотней других борцов за освобождение человечества и подготовит для них речь, которая заставит даже самых ярых технократов засомневаться в своей правоте.

...Визерия избивали пятеро: двое, схватив робота за руки, держали его, как будто он мог оказать какое-то сопротивление, а трое других поочередно наносили по корпусу мыслящей машины удары палками. Робот, глядя на своих обидчиков с самым скорбным выражением лица, непрерывно бубнил: «Перестаньте, пожалуйста, вы повредите мои двигательные функции! Мое тело не предназначено для такого обращения. Остановитесь, я взываю к вашему милосердию».

Фразу про милосердие, он, скорее всего, вычитал в одной из исторических книг, которые так любил пролистывать на досуге...

Один из вандалов схватил камень и проломил им лицевую маску робота, Визерий издал синтезированный динамиком вопль. Это было уже слишком, Сян положила баллон на землю и вышла из своего убежища, внимательно разглядывая нападающих — это были мальчишки не старше шестнадцати лет, двоих девушка часто встречала, когда они возвращались из школы и проходили мимо сада. Визерий часто жаловался, что дети крадут яблоки, может быть, сейчас он опять застал их за этим занятием.

— Отпустите его, — потребовала Сян.

— Ты кто? Почему ты приказываешь нам? — нагло осведомился самый высокий и, судя по всему, самый сильный мальчик, он держался грубо и уверенно, все еще сжимая в руке камень, которым испортил лицо робота.

— Он не ваша собственность, — заметила девушка, — уходите отсюда, вы находитесь в частных владениях.

— Девчонка, — фыркнул один из мальчишек. — К тому же одна... разве ты не знаешь, что молодой девушке не стоит одной выходить вечером из дома?

— Не твое дело, где я хожу и в какой компании, щенок, — зло сказала Сян, выходя в свет фонаря.

— Послушай, она еще и огрызается... — хихикнул мальчишка.

— Постой, смотри — на ней бант Атлета! Прощу прощения, мы не заметили... — быстро начал оправдываться вожак, — понимаете, мы просто гуляли здесь, когда этот робот заявил, будто мы находимся на чьей-то собственности.

— Так оно и есть, — подтвердила Сян, — это сад экзарха, убирайтесь отсюда, иначе вам придется возмещать ущерб, который вы нанесли своим присутствием.

— Хорошо, но робота мы заберем с собой, — мальчишки вновь схватили Визерия. — Мы хотим утопить его, сбросив с пирса. Хотите с нами?

— Оставьте робота в покое и убирайтесь, — ледяным тоном сказала Сян.

— Но ведь это только мыслящая машина...

— А может быть она никакой не атлет? Бант ведь всякий может нацепить...

— Даже если атлет, меня она не напугает!

— Красивая... может быть она захочет вести себя по-другому, если мы напугаем ее?

«Они пьяны, — догадалась Сян, — пьяные и наглые щенки, нельзя показывать страх перед такой мразью».

— Ладно, сама напросилась, — после минутного раздумья решил вожак и схватил девушку за руку.

Сян без раздумий ударила его ребром ладони по лицу так, как ее учил Петр, вкладывая в удар вес всего тела. Мальчишка отлетел в сторону, разбрызгивая кровь из разбитого носа. Сян Ю давно заметила, что простые жители Комоса были очень слабыми по сравнению с атлетами, которые

уделяли время физическим упражнениям. Но легкость, с которой она сломала нос почти взрослому мужчине, ошеломила ее. Сян на секунду замешкалась, что дало возможность другому вандалу схватить палку и замахнуться ей — девушка легко уклонилась от неумелого удара, нога сама собой провела удар по груди нападающего, мальчишка растянулся на земле, судорожно втягивая воздух.

Их товарищи уже бежали прочь, не разбирая дороги. Сян подошла к Визерию, чтобы оценить масштабы ущерба. Изувеченные дети пытались отползти от нее подальше, охая и кашляя.

— Почему ты не защищался? — гневно спросила Сян Ю. — Я знаю, что это не противоречит твоей программе!

— Я подумал о том, как отреагируют жители Комоса, если мыслящая машина проявит агрессию против человека, тем более ребенка, — признался Визерий. Он осторожно ощупывал руками проломленное лицо. — Я не смог бы доказать, что только оборонялся.

— Идем, — она взяла робота за руку и повела за собой, — нужно починить твою маску.

— Сян Ю, у вас трясутся руки. Почему вы дрожите?

— Не знаю... проклятье! — девушка опустилась на скамейку и ожесточенно потерла лицо. — Это ведь просто дети! Глупые и злые, но я все равно не должна была калечить их! Нужно позвать кого-нибудь... хотя нет, их друзья, наверное, помогут им. Что я скажу отцу?..

— Насколько я понимаю, вы защищались... — начал Визерий.

— Ничего ты не понимаешь! Глупая железяка, только я начинаю думать, что для тебя не все потеряно, как ты... — Сян заплакала, размазывая слезы по щекам. — Идем отсюда, я не хочу, чтобы меня кто-то сейчас видел, вообще ничего не хочу...

«Только бы оказаться отсюда подальше!»

Посадив Визерия за стол, Сян Ю достала из ящичков лазерный паяльник, очки и пластиковую коробку с инструментами.

— Сейчас я отключу тебя, — предупредила девушка, — не волнуйся, это не продлится долго.

— Надеюсь на это. Никогда не любил отключений, — пожаловался Визерий, — наверное, это похоже на смерть...

— Считай что это общий наркоз, — улыбнулась Сян, сняла пломбу с затылка робота и повернула тумблер, контролирующей центральную энергоподачу.

Голова Визерия дернулась и безвольно повисла, зеленый огонь в стеклянных глазах померк. Сян взяла отвертку и начала осторожно откручивать проломленную маску, вскоре состоящее из подвижных сегментов лицо робота лежало на столе, а вскоре к нему присоединилась погнутая нагрудная пластина.

Сян бережно вытащила заключенный в металлическую голову динамик, стараясь не повредить тянущиеся за ним провода. Грудь робота, лишенная защитной пластины, представляла собой сложное переплетение проводов, плат, двигательных керамических контуров. Этого робота Кенал

собирал вручную по уникальным чертежам и наброскам, вкладывая в него все свое мастерство, и Сян не могла не восхититься той практичностью и красотой, с которой был изготовлен Визерий.

Она осторожно прикоснулась к контрольной панели, следя, чтобы не повредить емкость с охладителем, как вдруг лежащий на столе динамик ожил и выдал из себя несколько хриплых звуков. Сян отдернула руку, испугано глядя на отключенного робота. Динамик снова кашлянул, потом из него раздался до боли знакомый голос: «Запись идет? Один, два, три... Отлично. Говорит... хм. Да. Говорит Кенал Востер, инженер. Э-э... число? Проклятье, где-то здесь был календарь. Не важно! Эта тестовая запись сделана мной на матричном звуковом синтезаторе персонального робота, модель ТАІ, серийный номер сорок один и двадцать. Если вы услышите ее — делайте с ней, что хотите. Сян Ю, я подозреваю, что запись, в конце концов, достанется тебе или твоему отцу, потому прости старого сентиментального идиота... Не важно».

Девушка шмыгнула носом и постаралась удержать подступившие к глазам слезы.

«Итак, запись. Наверное, давно следовало систематизировать эту информацию, написать книгу, или что-то в этом роде, во всяком случае, найти себе лучшее занятие, чем говорить с диктофоном во время работы. Так или иначе, я должен сделать копию, а лучше две...

Не важно.

Продолжим: искусственный разум, пресловутый AI, как его называют все учебники истории. Вечная мечта человечества, святой Грааль новой

эры... Люди издревле стремились создать мыслящую машину. Древние хроники доносят до нас свидетельства об экспериментах, которые проводил человек в надежде сотворить существо, подобное себе, превзойти Бога, если вам так угодно. Гомункул, голем, горгулья, первые примитивные процессоры, едва способные разогнаться до скорости более десяти гигагерц. Все эти попытки кажутся нам смешными, но именно с них началась история того явления, которое мы называем просто „мыслящие машины”».

Динамик пискнул, послышался скрежет и шум — Кенал действительно диктовал за работой.

«Мыслящие машины... основная проблема, с которой столкнулись мои предшественники, состояла в том, чтобы научить машину мыслить, производить последовательность обоснованных действий на основе внешних факторов — реагировать на окружающую среду. Стихия чистых чисел подчинилась людям намного раньше абстрактных понятий; когда робототехника перешла из фантастики в реальность, уже существовали машины, способные производить быстрые и надежные вычислительные процессы. Главная трудность — научить синтетический разум учиться, вести себя в соответствии с накопленными знаниями. Казалось бы, что может быть проще? Слить информацию, забить до отказа память и приделать датчики движения, манипуляторы, сенсоры... Большая ошибка», — Кенал усмехнулся.

«Что хорошо получалось у первых роботов — это наткаться на стены. Сухой остаток знаний и умение сносно ориентироваться в пространстве не сделали из робота разумное создание, конструкт, который мог бы адекватно реагировать на окружающую среду. Забавная игрушка — не более. Суть

метода заключалась в том, чтобы научить машину думать, учиться, не повторять своих ошибок и... чувствовать. Вести себя по-человечески, испытывать какие-то эмоции или их адекватные заменители. Симуляция деятельности нейронов головного мозга? Может быть... в какой-то степени. Я никогда не задумывался над этим, глядя на чертежи, которые лежали на моем верстаке, разрабатывая новые комплектующие, проектируя манипуляторы...

Не думаю, что мы научили их чувствовать, со стороны это выглядит забавно, пятую модель я даже научил плакать — встроил в глазные окуляры небольшие емкости с водой, которая выводится из охладителя. Выглядело впечатляюще, но каждый раз, когда я смотрел в эти пустые плачущие линзы, мне становилось холодно и страшно. О да, мы славно научили наши творения обходить стены, учиться на своих ошибках, рассуждать о вечном... Но так и не продвинулись к своей цели, мы не научили нашего гомункула чувствовать, мы не научили горгулью любить...»

Сян Ю дрожащей рукой вытащил из кармана блокнот и гелиевый карандаш, она должна была записать эти слова и обдумать их.

Человек покорил землю, воду, небо и космос. Но каждый раз, восходя на новую высоту, человек стремился к новым достижениям с одной лишь целью — вести в изменившихся условиях войну. Мы создали батискафы и подводные лодки, чтобы уничтожать корабли, самолеты, чтобы бомбить

города, космические корабли, способные уничтожать целые планеты... Мечтатели своей работой желают сделать мир лучше, другие люди занимаются тем, что извращают их мечты.

— **Джеанна Батлер; из ее биографии, составленной Тет'ром Батлером**

За смотровым экраном простирались бесконечные просторы вселенной, горели далекие звезды и прекрасной жемчужиной сиял приближающийся Комос. Почтовый корабль вышел на орбиту. Сверхсложные системы, контролирующие корабль во время длительного прыжка на мгновение затихли, переходя в стандартный режим работы. Погасли многочисленные индикаторы на контрольных панелях, моргнул свет в коридорах, остановились лифты и подъемники, на долю секунды корабль умер, погрузился во мрак и бессильно завис в холодной бездне космоса.

...За это бесконечно долгое мгновение сердце Тет'ра едва успело ударить дважды. Двигатель вновь ожил, контрольная панель замигала, предупреждая пилотов о возобновлении работы.

— Активировать автопилот, — приказал Тет'р.

— Есть, капитан. Выполняю... — Менго быстро пробежал пальцами по всплывшему дисплею управления. — Автопилот активирован! Вхождение в атмосферу планеты через двадцать секунд...

— Никогда не любил этот маршрут, — признался Тет'р, — как будто ты уже дома, но все еще так далеко.

— Зато у вас есть возможность увидеть родную планету, — подбодрил его второй пилот Айверс. — Комос прекрасен, правда?

— Родина всегда прекрасна, — кивнул Тет'р, хотя ему было приятно признать, что Комос действительно один из красивейших колонизированных человеком миров.

По долгу службы капитан «Транскома» бывал на разных планетах, видел множество рукотворных и диких миров, но ничто не казалось ему столь прекрасным, как моря Комоса, его леса, реки и города, полные садов, библиотек и театров. Комос был образован, утончен, немного высокомерен, но безумно притягателен.

— Десять секунд...

— Я слышал, что сегодня намечается какое-то важное мероприятие... — с надеждой сообщил Айверс.

Служащие кораблей «Транскома» всегда с нетерпением ожидали отпускных, которые им давали при прибытии на планету, Комос представлялся жителям промышленных и неразвитых миров настоящим курортом.

— Не слишком надейся на это, — покачал головой Тет'р, — сегодня похороны одного из известных комосиан, не жди особых развлечений по этому поводу.

— Три секунды...

Звезды начали таять и сливаться в нарастающий вихрь.

— Закрывать смотровой экран, — напомнил капитан, хотя Менго уже ловко перебирал пальцами, отдавая соответствующие команды. Процедура сброса груза была рутинной, но это была его планета, и Тет'р желал лично убедиться, что все инструкции выполняются с предельной точностью.

Экран потемнел, закрытый складной защитной шторой. Исчезли звезды, агатовая бездна разделяющего их пространства, сияющий лазоревым блеском Комос...

— Высота — восемьсот! — рапортовал Менго.

Капитан сверился с альтиметром и кивнул.

— Приготовить груз к сбросу.

— Есть, капитан. Высота — семьсот девяносто. Входим в зону сброса...

— Давайте, ребята. Вы ведь не хотите испортить эту красоту выхлопами нашей колымаги? — немного нервно улыбнулся Тет'р.

— Семьсот пятьдесят. К сбросу готовы, капитан!

Вместо ответа комосианин ударил ладонью по алой кнопке, располагающейся на панели перед ним. Кабина заполнилась багровым огнем, замелькали многочисленные индикаторы.

— Груз сброшен. Набираем высоту, выходим из экзосферы... — забормотал Менго, — информация о грузе...

Тет'р затаил дыхание. Ошибки электроники случались, редко, но случались.

— Прямо в цель, капитан! Точность попадания — девяносто четыре процента! — восторженно воскликнул лейтенант.

— Поздравляю, господа. Вы отлично поработали, — кивнул Тет'р, немного помолчал и добавил: — И заслужили свои увольнительные...

Экипаж восторженно загалдел, аплодируя и поддерживая своего капитана.

— Сообщение со станции «Комос-1», — продолжая улыбаться, сообщил Менго, — нас благодарят за отлично выполненную работу, вся почта упала точно по назначению, ущерб хозяйству или природе планеты отсутствует — мы утопили весь груз точно по указанным координатам.

— Теперь «Транскому» полагается выплатить нам всем премиальные, — заметил Айверс, — после того, как на Карфагене груз упал на жилой квартал, и его осколки накрыли полгорода, грузовых кораблей стали бояться, будто наши трюмы полны атомного оружия.

— Именно поэтому нам следует всегда быть внимательными, — намеренно повысив голос, сказал капитан. — Управление космическим кораблем никогда не стоит доверять автоматике, машина всегда будет следовать своей программе, она не отличит промышленный склад от школы. Не стоит забывать, что только человек способен принимать не всегда эффективные, но человеческие решения.

Экипаж замолчал, понимающе глядя на своего капитана, многие одобрительно кивали головами и поднимали руки, на которых пестрели золотые банты. Сам Тет'р не принадлежал к одной из многочисленных политических и религиозных организаций, которые были распространены на

колонизированных планетах, но не запрещал своим подчиненным отстаивать ту позицию, которая отвечает их убеждениям.

— Я буду в своей каюте, — предупредил Тет'р второго пилота, — если произойдет что-то непредвиденное — немедленно вызывайте меня.

— Собираете вещи? — усмехнулся Айверс. — Нам вас будет не хватать, сэр.

— Кто проболтался?

— Менго.

— Откручу негодяю голову, — с усмешкой пригрозил капитан. — Теперь спокойно уйти не удастся, только учтите — если я увижу воздушные шары или хлопушки — подорву этот корабль вместе с вами. Обещаю.

— Так точно, капитан! — бодро салютовал Айверс.

Он спустился в скоростном лифте на жилую палубу, прошел по длинному коридору, миновав кают-компанию, где пустовали многочисленные кожаные кресла, заглянул в столовую, отдраенную роботами-уборщиками до зеркального блеска и, наконец, добрался до своей каюты.

Его корабль был огромен. Почти километр длиной, пятьсот метров в высоту. Мощные двигатели, огромные грузовые отсеки, системы жизнеобеспечения, переработки кислорода, сбора солнечной энергии и избыточного излучения двигателей. И все же это только почтовый курьер...

Тет'р усмехнулся. Десять лет в космосе с редкими спусками на планеты — этого хватит кому угодно. И все же он знал, что будет скучать по своей старой жизни.

Опустошив свой шкаф, капитан разложил свои вещи на кровати. Чистая униформа «Транскома», старый гражданский костюм, высокие ботинки, мягкие тапочки, полный комплект нашивок, начиная от младшего лейтенанта и заканчивая капитаном: служащие «Транскома» сами платили за них и, покидая службу, при желании могли оставить на память. Тет'р желал. Он не хотел терять ничего из своих старых вещей. Когда он первый раз взошел на борт «Дедала», ему было всего тринадцать лет, и из всех вещей у него была только одежда и несколько завернутых в теплоизоляционную фольгу блинов, которые он не доел за завтраком. Фольгу он выбросил, и теперь жалел об этом, из нее мог получиться неплохой сувенир для Айверса...

Коммуникационное устройство, стоящее на столе, автоматически настроилось на местный канал и теперь монотонно вещало:

— В центре Пилоса правительством приняты беспрецедентные меры безопасности для предотвращения волнений среди населения. Как известно, лидеры радикальной нелегальной группировки атлетов заявили, что публичная церемония похорон проводится вопреки завещанию инженера Кенала Востера. Правительство отвергает их обвинения...

Тет'р покачал головой, осторожно складывая вещи в большую сумку. Он слишком долго не был дома.

— Помимо атлетов на улицы города вышли несколько сотен человек, которые принадлежат к новой партии, которую уже успели окрестить в сенате умеренными, — продолжил коммуникатор. — В отличие от атлетов они не несут никаких лозунгов и придерживаются выжидательной позиции, оставаясь за линией оцеплений, которую установили стражи порядка...

Тет'р отключил коммуникатор — его не интересовала политика. Единственное, чего сейчас безумно хотелось, это окунуться в теплую морскую воду, понежиться в лучах летнего солнца, прогуляться по улицам Пилоса...

Капитан перекинул ремешок сумки через плечо и открыл дверь каюты. В коридоре его ждал весь экипаж корабля — двадцать человек, включая пятнадцатилетнего юнга и девушку Мари, должность которой в «Транскоме» важно называли практикующим психологом. Воздушных шаров, к счастью, не было...

— Капитан Батлер, — торжественно начал Айверс, — мы с вами служим вместе вот уже пять лет, и с полной ответственностью можем сказать, что вы лучший из всех командиров, какие только могут быть у почтового корабля.

Толпа поддержала его восторженными воплями.

— Скажу откровенно, — продолжил Айверс, — когда меня впервые прислали на «Дедал» в должности второго пилота, то я, прочитав вашу биографию, подумал что вы занудная задница, сэр, — кое-кто засмеялся. — Потому что мне стало безумно завидно человеку, который в двадцать пять лет стал капитаном...

Айверс был заслуженно горд собой, после ухода Тет'ра, «Транском», скорее всего, сделает его капитаном, а в этом году второму пилоту исполнилось девятнадцать лет. Айверс был родом с Ричеза, дети росли и получали образование на его планете намного раньше, чем на других мирах, как, впрочем, и на Комосе...

— Но, познакомившись с вами, сэр, я в полной мере осознал свою ошибку, вы самый ответственный и профессиональный служащий почтового корабля, какого только можно себе вообразить. Нам будет не хватать вас, капитан Батлер!

Айверс, улыбаясь, протянул ему большую черную коробку. Тет'р смахнул выступившую слезу и принял прощальный подарок, не сдержав улыбки.

— Откройте его, сэр, — попросил второй пилот.

Тет'р поставил сумку на пол и вскрыл коробку. В ней лежала небольшая, но очень красивая модель «Дедала», комплект посеребренных приборов из столовой с монограммами Тет'ра и эмблемой «Транскома», и старенький складной нож. Тет'р присмотрелся к нему и с удивлением понял, что это был тот самый нож, который он упустил в шахту лифта почти десять лет назад.

— Модель я сделал, — похвастался юнга.

— Ложки — это копии, можете не волноваться, сэр, я бы никогда не стал красть ничего казенного, даже полотенец, — с усмешкой заметил Айверс.

— Где, во имя всего святого, вы взяли эту штуку? — Тет'р осторожно взял в руку нож и с удивлением отметил, что лезвие было все еще острым.

— Я нашел, — сказал Антуан, их штатный робот-консультант, — я обнаружил его чуть больше пяти лет назад, когда пришло время плановой уборки мусора в третьей лифтовой шахте, но решил сделать вам сюрприз.

— Только робот способен дожидаться удобного случая пять лет, — хмыкнул Айверс, — если ты когда-нибудь захочешь провернуть такую шутку со мной, не жди, пожалуйста, когда я умру от старости.

— Ваше замечание принято, второй пилот, — бесстрастно рапортовал робот.

— Друзья, — громко сказал Тет'р, — скажу сразу — я никогда не хотел управлять космическим кораблем. Даже более того — у меня это всегда плохо получалось. Единственная причина, по которой мы еще не разбились, не поломались, не затерялись в космосе и не умерли от излучения — это вы. Лучшая команда, о которой любой капитан может только мечтать.

Люди восторженно заревели, начали поочередно пожимать Тет'ру руку, хлопать его по плечам, обнимать и просто старались прикоснуться к своему капитану, как будто это могло принести им удачу, Мари поцеловала его в губы, повиснув на шее, низкорослый юнга, обхватив двумя руками капитанскую ладонь, тряс ее и заливался слезами.

— Отпустите, черти! — запротестовал Тет'р. — Вы оставили корабль на автоматике без присмотра?! Вот сейчас доберусь до Менго и оторву его руки... Живо в кабину! Вторую смену приглашаю спуститься вместе со мной на планету.

В «Икаре» было восемнадцать мест. Тет'р в полной мере оценил юмор человека, назвавшего посадочную шлюпку. Так же, как и легендарный грек, этот маленький кораблик замечательно умел делать только одно — падать.

Использование многофункциональных космических модулей для спуска на планету было признано неэффективным — загрязнение атмосферы и ущерб, причиняемый экологии, превосходил прибыль от использования полноценных челноков. Их место заняли «Икары» — маленькие капсулы, снабженные тормозными двигателями и парашютами, которые сбрасывались с низкой орбиты и обеспечивали доставку малых грузов или экипажа быстро и эффективно. Мощности шлюпок не хватало, чтобы самостоятельно преодолеть гравитационное поле и выйти из атмосферы, поэтому отработанные «Икары» утилизировали или доставляли назад на корабль с ежегодным почтовым грузом. Служащие «Транскома» называли почтой любой крупный груз. Обыкновенная почта: личная переписка, документы или огромные многомиллионные энциклопедии и базы данных находили пристанище на электронных носителях, для транспортировки которых достаточно было небольшого контейнера.

Тет'р занял свое место, пристегнувшись ремнями безопасности и выдвинув поручни, после чего предусмотрительно вставил в уши затычки. Рядом с ним сел Айверс и что-то весело сказал. Тет'р только постучал по уху и покачал головой — затычки начисто глушили все внешние звуки.

Шлюпка дернулась, светильник замигал; они выпрыгнули из чрева корабля, начиная свое падение на поверхность планеты. В отличие от огромных космических лайнеров, транспортных и боевых кораблей

маленькие посадочные шлюпки не включали двигателей при вхождении в атмосферу, полагаясь исключительно на стартовый импульс корабельной катапульты и планетарную гравитацию, поэтому вред, который они приносили своей посадкой атмосфере планеты, был минимален.

Корпус «Икара» начало сильно трясти, раздался жуткий визг, заглушить который были не в состоянии даже сверхпрочный корпус шлюпки и ушные затычки. Пилот пустил «Икара» в пике, закручивая шлюпку вокруг своей оси, чтобы минимизировать тряску. Тет'р зажмурился и начал про себя считать до ста двадцати. Его всегда было интересно, что чувствует в эти короткие минуты пилот «Икара», перед которым простирается панорама стремительно приближающейся планеты?..

Постепенно их скорость начала падать, сейчас пилот стремительно выравнивал «Икар», выдвигал воздушный тормоз, выпускал многочисленные парашюты...

Несмотря на все меры предосторожности, их ударило о землю и протащило еще несколько метров, пока «Икар», наконец, не остановился. Тет'р посидел неподвижно еще несколько секунд, после чего отцепил ремни, убрал поручни и медленно поднялся на ноги. Другие члены экипажа медленно приходили в себя. Вскоре в дверь шлюпки деликатно постучали.

— Войдите! — хихикнул Айверс.

Тет'р благоразумно отошел от двери и включил коммуникатор.

— Эй, вы там живы, ребята?

— Говорит капитан Батлер, судно «Дедал», посадочная шлюпка «Икар-3», — ответил Тет'р, — у нас все в порядке.

— Замечательно. С мягкой посадкой. Отойдите от двери...

Тепловой луч прорезал погнувшуюся дверь шлюпки и медленно начал обводить ее.

— Готово, — пробормотал в коммуникатор техник, — вы знаете что делать...

Тет'р молча кивнул и, подойдя к двери, ударил ее ногой. Вырезанный участок корпуса вывалился, и солнечный свет ударил капитану в глаза, заставив его зажмуриться. Шлюпка лежала на поле, оставив за собой небольшую борозду, перед ней стояла машина техников, тщательно поливающая ее струей охладителя. «Икар» исходил паром и шипел, но в целом был не поврежден.

— Добрый день, капитан, — один из техников помог ему спуститься на землю, — добро пожаловать на Комос. Вам нужен трап?

— Обойдемся, спасибо, — покачал головой Тет'р.

Он вдохнул свежий воздух, от которого почти отвык, поднял глаза к высокому голубому небу и рассмеялся. Пилота уже вытащили из кабины, он немного ушибся, но не пострадал, двое техников вели его к машине с врачами, а он только отмахивался и повторял, что все в порядке, увидев Тет'ра, пилот расплылся в улыбке и крикнул:

— Простите, что немного встряхнул вас, капитан!

— Сдайте униформу, ботинки, удостоверение, — монотонно пробубнил клерк, — вы будете оставлять знаки различия?

— Да, — кивнул Тет'р.

— Тогда вы не должны носить их в общественных местах, либо должны загнуть левый уголок, это показывает что вы больше не кадровый офицер «Транскома», — напомнил клерк. — Подпишите здесь и здесь, приложите свой большой палец сюда и посмотрите в индикатор, чтобы мы могли составить ваши пенсионные счета.

Тет'р взял световое перо и оставил короткую роспись на пленке, приложил руку к дакти-панели. Лазер обжег его глаз, заставив капитана болезненно моргнуть.

— Спасибо, сэр. Вот ваши документы, — служащий Транскома протянул ему черную папку, на которой было выдавлено его имя, звание и дата увольнения. — Следующий!

Монорельс несся с огромной скоростью. За окном мелькали деревья, проносились города и станции, вспаханные поля сменялись циклопическими отвалами земли и шлаков, которые окружали шахты, выбрасывали черные клубы дыма немногочисленные промышленные предприятия...

Сян Ю молча читала лежащий у нее на коленях электронный блокнот. Напротив нее сидел отец, недовольно поджав губы, он старался не смотреть в сторону дочери и вызывающего алого банта, повязанного на ее руке. Кроме

них в вагоне монорельса ехали только женщина с маленьким ребенком на руках и красивый темноволосый молодой офицер в сером кителе и фуражке со срезанными кокардами. Оливер предпочитал путешествовать без охраны — убийства политических лидеров на Комосе были редкостью и чаще всего не имели никакого отношения к политике. Сян Ю гордилась их мирной и цивилизованной планетой, но последние происшествия: нападения вандалов на Визерия и слухи, которые ходили о «Псах Комоса» поколебали ее веру в торжество человеческого разума и взаимопонимания.

...Ребенок начинал плакать каждый раз, когда поезд резко останавливался на станции, офицер смущенно улыбался и вертел в руках капитанские нашивки, Сян Ю решила, что он недавно получил новое звание и очень собой гордится.

— Сегодня в Совете будет очень важное голосование... — после долгого молчания сообщил экзарх, сосредоточенно глядя в окно.

— Ты справишься, — равнодушно отозвалась Сян Ю, не отрываясь от чтения.

— Меня могут снять с должности, — нахмурившись, сказал отец.

— Но кого они хотят поставить на твое место? Ведь ты лучший экзарх со времен Ола Триана!

— Мои противники давно ищут способ подкопаться под меня, — пожал плечами Оливер, — теперь самое время. Что ж, пусть думают о замене сами. Я хочу только сказать свое слово в предстоящем голосовании и мирно уйти на покой.

— Отец, это ведь не связано со мной...

— Не говори глупостей, — фыркнул Оливер. — У большинства советников есть дети или родственники, которые вступили в вашу партию, мы сами были такими же в молодости, не думай, будто я лишен души — еще несколько лет и атлеты успокоятся, сбавят обороты и войдут в правительство на равных с технократами, оптимистами и неприсоединившимся большинством. Кстати говоря, мне было бы приятно видеть тебя своим политическим оппонентом, но, видимо, я не продержусь на своей должности достаточно долго...

— А как насчет умеренных? Что ты думаешь о них? — заинтересовалась девушка.

— Популисты и демагоги, — Оливер покачал головой, — их речи производят волнения в народе, так много разумных слов — остановить технократов, урезонить атлетов, освободить Комос от власти обленившихся чиновников... Когда я был в твоём возрасте и только начинал делать политическую карьеру, мой ментор Ола как-то раз сказал: если ты слышишь от политика одни разумные и правильные вещи, будь осторожен — такой до добра не доведет! Атлеты радикалы и упорствуют в этом, но они честны в своих взглядах, руководство «Псов Комоса» — это, прежде всего, опытные игроки.

— Но кто ими руководит? Кто мог сколотить новую партию так быстро?

— Их официальный лидер — Ваас Дхармэ, один из бывших технократов, не очень активный политик, насколько я знаю, он теоретик.

Больше года назад Ваас попал в аварию и был госпитализирован в тяжелейшем состоянии, врачи пророчили ему инвалидность и беспомощность, но, как видишь, Ваас выкарабкался. После аварии я его не видел — такие испытания часто меняют людей...

Сян Ю кивнула, вспомнив Петра — тот тоже занялся политикой и религией после того, как потерял руку...

— Политика всегда была развлечением для комосиан, — продолжил экзарх, — на Комосе не было крупных конфликтов больше ста лет — немалый срок; жизнь стала однообразной и лишённой риска, единственным развлечением является просмотр публичных дебатов, выступлений, демонстраций...

— Ты считаешь, что люди стремятся к политике исключительно от скуки? — удивилась Сян Ю.

— Во всяком случае, сам я стал политиком именно поэтому, — хохотнул отец. — В этом занятии есть риск, цель, результат — что еще нужно человеку? Ты никогда не задумывалась, почему античность так популярна на современном Комосе?

— Я много думала об этом. Возможно, потому что античные полисы, так же как и Комос, были замкнутыми самостоятельными системами, которые достигали того уровня развития, при котором тяжелый физический труд не является единственным способом выживания?

— Совершенно верно, — с гордостью глядя на дочь, подтвердил Оливер. — Вся тяжелую работу за нас выполняют машины, рабы, которых контролируют другие машины, позволяя людям вести праздную и беспечную

жизнь. Университеты, галереи, театры — это душа Комоса. Так же, как жители древних Афин, мы видим высшую добродетель в умственном и духовном совершенствовании.

— Люди больше не совершенствуются, отец, — запротестовала Сян Ю.
— Они становятся только слабее и глупее, всю работу за них делают роботы, — зачем стараться, если любое твое желание выполняется, стоит лишь отдать соответствующую команду? Люди проводят время за просмотром видео или слушая музыку, я даже слыхала о кретинах, которые подсоединяют электроды к мозгу, чтобы стимулировать центры удовольствия напрямую. Это отвратительно!

— Не преувеличивай. Наркоманы и бездельники были всегда, наше общество...

— Общество впало в зависимость от мыслящих машин! — воскликнула Сян и вскочила со своего места, уронив блокнот на пол.

Ребенок, испуганный их перепалкой, вновь заплакал, его мать укоризненно посмотрела на девушку, качая малыша на коленях, даже офицер оторвался от созерцания нашивок и внимательно следил за происходящим.

— Я устал слушать твои глупости, дочь, — хрипло сказал Оливер. — Мы поговорим на эту тему, когда вернемся домой. Я думал, что моя отставка примирит нас, но вижу, что это не так.

Монорельс остановился, Сян едва успела схватиться за поручни и чуть не упала на пол. Брошенный блокнот отполз в противоположный конец вагона и остановился под ногами молодого офицера. Он осторожно поднял его и протянул девушке.

— Вы обронули, — сказал он приятным мелодичным голосом.

— Благодарю вас, капитан, — Сян отметила, что глаза у него были очень красивые — изумрудно-зеленые.

Это был ее любимый цвет — яркие водоросли, растущие на мелководье, там, где вода особенно прозрачна и чиста...

— Я больше не капитан, — грустно сказал юноша.

— Идем, Сян Ю, — позвал ее Оливер, постукивая по полу своей тростью.

Они вышли из вагона на станцию, девушка оглянулась и увидела стоящую у закрывающейся двери фигуру офицера с изумрудными глазами, прикоснувшись рукой к стеклу, он провожал ее взглядом — мгновение — и поезд сорвался с места, обдал Сян потоком горячего воздуха и умчался прочь...

Петр нервничал. Он злился, когда терял контроль над собой, это мешало ему трезво мыслить — Петр превыше всего ставил свое умение оставаться спокойным, сдержанным и рациональным даже в самой сложной ситуации, но сейчас он нервничал, словно ученик, сдающий свой первый в жизни экзамен.

Сян Ю опаздывала. Петру никогда не нравилась эта подружка Даллика. «Точнее — одна из его подружек» — поправил он себя, но эта девчонка обладала исключительным ораторским талантом, который Петр не мог в себе развить.

— Где же твоя девчонка? — спросил Петр, обращаясь к Даллику, — церемония вот-вот начнется.

— Она обязательно придет, — ответил художник и отхлебнул из бутылки. Этот чертов пьяница везде ходил с бутылкой вина, к которому успел пристраститься. Петр брезгливо поморщился.

— Откуда такая уверенность?

— Она обещала, — Даллик пожал плечами, — Сиана всегда сдерживает обещания.

Петр отвернулся. Даллик был ему отвратителен: маленький, скользкий, с липкими, постоянно потеющими руками, он часто хвастался своими амурными похождениями, рассказывая в подробностях, чьих дочерей он успел соблазнить. Сян Ю Пулен — дочь экзарха, естественно, занимала в этом списке не последнее место, хотя бездарный художник не любил вспоминать о том, что она первая его бросила.

Петру приходилось видеть несколько картин Даллика, и он про себя считал, что более нелепую мазню сложно себе даже вообразить. Но Даллик был нужен ему, все они были нужны: вздорная и самодовольная дочь политика, богатый глупый Марий, излишне болтливый Тимер — все они были нужны делу атлетов. Иногда Петру было противно осознавать, какую мерзость они противопоставляют мыслящим машинам, но человек со своими недостатками и даже худший из людей являлся меньшим злом по сравнению с бездушными роботами.

Работая со своей группой, Петр повторял эти слова, будто молитву.

...Пилос был удивительно красивым городом: высокие белые дома, сложенные из известняка и мрамора, широкие проспекты улиц, многочисленные сады, где росли раскидистые каштаны и клены, привезенные первыми поселенцами с Земли. Столица Комоса жила своей неспешной, размеренной жизнью, не зная войны и конфликтов.

Большое трехэтажное здание университета приветствовало его тихим шелестом растущих на крыльце деревьев. Когда он уходил, это были маленькие, едва достающие ему до плеча саженцы, теперь же перед Тет'ром возвышались раскидистые клены, тихо шуршащие остатками желтой листвы. Зима в этот раз наступила поздно, и Пилос, как будто, оставил часть своего золотого осеннего великолепия специально для него. Юноша прикоснулся рукой к шершавому древесному стволу.

«Прошло так много времени... вырос ли я так же, как эти деревья?»

...Он рывком открыл тяжелую красную дверь и вошел в университет.

Из-за похорон Кенала Востера работу учебных заведений отменили, и здание было непривычно пустым и тихим. Возле беломраморных колонн не собирались веселые толпы, никто не мелькал на длинной, крытой темно-зелеными коврами лестнице. Тет'ру показалось, что он явился в музей, посвященный его молодости, и теперь придирчиво осматривает экспонаты. Что-то изменилось — люстра, висящая под высоким куполом, лишилась искусственных свечей и части украшений, одну из колонн, пострадавшую от вандализма учеников, наконец-то отремонтировали, смыв надписи и заделав трещины.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, молодой человек?

Тет'р обернулся. Перед ним стоял высокий пожилой мужчина, облаченный в длинный белый плащ и мягкую бархатную багровую шапочку, скрывающую седые волосы. Несмотря на то, что прошло больше десяти лет с их последней встречи, Тет'р мгновенно узнал ментора Рупа.

— Добрый день, логистос Орфа Руп, — юноша склонился в вежливом поклоне.

— Здравствуйте, — пожилой ментор выдержал паузу, — что привело вас сюда сегодня?

Тет'р быстро извлек запаянное в прозрачный пакет назначение.

— Что там у вас? — Орфа нахмурился, потянувшись за очками, он никогда не пользовался контактными линзами или другими приборами, которые могли облегчить ему чтение — лишь архаичными очками с настоящими стеклянными линзами. — Да-да... меня предупреждали о вашем прибытии. Торопитесь приступить к своим обязанностям?

— Чем раньше я начну, тем лучше, — пожал плечами Тет'р.

— Сегодня в любом случае не получится, — Орфа Руп спрятал направление во внутренний карман, — несмотря на все ваше рвение. Занятия отменили из-за смерти инженера Востера. Сам я прохладно отношусь к публичным мероприятиям и не считаю, что из кончины достойного пожилого человека должен обязательно происходить дешевый балаган. Кстати говоря, коллега, ваше лицо кажется мне странно знакомым...

— Я посещал ваши лекции десять лет назад, — напомнил юноша.

— Ах, да, — вспомнил Орфа, — тот самый Тет'р Батлер. Теперь припоминаю. Что ж, позвольте поздравить вас со стремительным карьерным ростом, когитор.

Они прошли по коридору, стены которого украшали картины учеников, несколько полотен были написаны рукой Тет'ра — слишком неуверенные и примитивные, чтобы храниться в зале искусств, они, тем не менее, надежно сберегались в университете, чтобы служить наглядным примером другим ученикам.

— Ваши обязанности будут простыми: лекции по ремонту и обслуживанию корабельного оборудования проходят параллельно с занятиями по музыке, если вы соберете достаточно слушателей, то можете претендовать на аудиторию. Вас это не смущает?

— Разве что музыка будет очень громкой и безобразной, — улыбнулся Тет'р.

— Такого у нас не бывает, — успокоил его логистос. — В ваши обязанности также входит проведение факультатива для всех желающих — его минимальное время три часа в неделю. Теоретически это все, практически — вам придется столкнуться с массой проблем. Могу я задать вам несколько личных вопросов, Тет'р?

— Разумеется.

— Какова ваша цель работы когитором?

— Работа на грузовом корабле — это постоянные нагрузки. «Транском» хорошо оплачивает труд своих капитанов, но мне хотелось бы

попробовать нечто новое, не связанное с кораблями и грузовыми перевозками. Должность когитора предполагает совсем другие таланты.

— Вы стремитесь к самосовершенствованию? Вы атлет? — требовательно спросил Орфа.

— Атлет? Так называют партию, которая протестует против мыслящих машин? — переспросил Тет'р. — Я видел таких же радикалов на других мирах, которые посещал по долгу службы. Нет, я не атлет. Я не вижу себя в политике.

— В вашем досье сказано, что вы участвовали в беспорядках на Гьеди Прайм.

— Участвовал?.. — Тет'р нахмурился. — Я просто оказался там, в неправильное время, в неправильном месте... называйте это как угодно.

— Расскажите, — попросил Орфа.

— Вас правда это интересует?

— Я вижу, что эти воспоминания беспокоят вас, Тет'р.

— «Транском» направил нас доставить груз на Гьеди Прайм, — начал Тет'р. — Насколько я помню, это было какое-то бурильное оборудование. Мы прибыли на планету за три дня до мятежей. Я и несколько человек из экипажа «Дедала» спустились на поверхность, чтобы оформить все необходимые бумаги и проследить за погрузкой. Мы отдыхали в центре города, столицы...

— Глории? Насколько мне известно, Глория — столица Гьеди Прайм.

— Демонстранты шли по улицам с плакатами, выкрикивали какие-то лозунги. Перед тем, как я успел понять что происходит, началась стрельба... Говорят, что беспорядки на планетах с низким уровнем жизни случаются часто. Что это та цена, которую нам приходится платить за то, чтобы жить в цивилизованном обществе. Солдаты не использовали газ или водометы, чтобы разогнать толпу. Только стреляли в беззащитных людей.

— После того как демонстрация на Карфагене вылилась в массовый мятеж с разграблением столицы и резней правительства, немногие согласны повторить их опыт. Демонстрации разгоняют максимально эффективным способом, стараясь локализовать их, и не дать распространиться по всей планете.

Тет'р затряс головой.

— Нет... вы говорите так, как будто люди — это машины. Локализовать мятеж... максимально эффективно... — Он стиснул кулаки. — Солдаты шли и стреляли из автоматического оружия по толпе, в которой были не только озверевшие рабочие, но также их жены и дети. Их тела разносило в клочья, улицы Глории утонули в крови...

— Я понимаю ваше возмущение, — прервал его Орфа, — но вы должны понять, что поступи правительство по-другому, и мятежники получили бы возможность проявить свою жестокость. Планета погрязла бы в кровавом хаосе не на один час, а на долгие годы. Разгонять демонстрации — это не выход. Их участники соберутся вновь в другом месте, мятеж нужно подавлять быстро и безжалостно...

— К сожалению, те демонстранты, которые погибли в погроме на Гьеди Прайм, не могут опровергнуть ваши слова, — горько усмехнулся Батлер.

Логистос развел руками, признавая свою неправоту.

— Тем не менее, вам не стоит больше беспокоиться об этом, — продолжил Орфа, — на Комосе никогда не произойдет ничего подобного. Вам должно быть известно, что, несмотря на открытые демонстрации и марши протеста против некоторых решений правительства, комосиане ведут себя цивилизовано и умеют высказать свое мнение без ущерба окружающим...

— Что это?! — воскликнул Тет'р и подбежал к окну.

Над белоснежными улицами Комоса, над крытыми темно-красной черепицей крышами его домов возвышался черный столб густого дыма...

В этот же момент заголосил установленный в холле мегафон:

«Граждане Комоса! В связи с беспорядками на улицах Пилоса мы просим жителей столицы не покидать своих домов и не приближаться к балконам и окнам. В столице объявлено чрезвычайное положение. Я повторяю — в столице объявлено чрезвычайное положение!»

— Должно быть... некое недоразумение, — побелевшими губами пробормотал логистос Орфа.

— Оставайтесь здесь, — быстро сказал Тет'р, — закройте двери и никого не пускайте.

Отставной капитан вытащил из кобуры пистолет и быстро зарядил его, сняв с предохранителя. Старый философ, еще недавно столь уверенный и спокойный в своих высказываниях, с ужасом посмотрел на него.

— Что происходит? — беспомощно спросил он.

Тет'р точно знал, что происходило. Однажды он уже видел это, и никогда уже не мог забыть. Его самый страшный кошмар сбывался. Улицы Пилоса, превращенные в кровавое поле битвы...

— Мятеж, — коротко ответил Тет'р и направился к лестнице.

— Куда вы?!

— Я должен быть там.

Когда народ подозрительно относится к какому-либо важному мероприятию, государственным деятелям, которые приходят на собрание, не следует всем выражать одинаковое мнение, как будто они договорились заранее. Двое или трое из единомышленников должны «расходиться во мнениях» и тихо говорить в пользу противоположной точки зрения, а затем поменять свою позицию, как будто их убедили. Таким образом, поскольку будет казаться, что они руководствуются лишь благом народа, они увлекут людей за собой.

— Плутарх из Херонеи

...Убьют их — так в чем их вина? И живы ль они или погибли, — в их семьях об этом никто не услышит, никто не узнает. В недрах души безысходно горюя, только и видят во сне, что своих.

— Ли Хуа, «Плач на древнем поле сражений»

Площадь святого Льва была заполнена народом: простые горожане, приехавшие из провинции жители Комоса, среди которых изредка попадались алые ленты атлетов или строгие черные комбинезоны технократов. Противостояние двух партий достигло своего апогея. Улицы были оцеплены стражами, которым совет получил поддержание порядка. Молодые, неопытные и трусливые, эти люди имели опыт борьбы с пожарами и последствиями стихийных бедствий, но сдерживать натиск обезумевшей толпы были не готовы.

Сян Ю храбро вклинилась в толпу, работая локтями, чтобы проложить себе дорогу к трибунам. Несмотря на то, что места на помосте были отданы членам совета и почетным гостям, атлеты сумели в начале процессии пробиться к возвышению и оцепить его, заблокировав трибуны. Стражи попытались прорвать оцепление — судя по тому, что слышала Сян, кое-где дело дошло даже до драки, но атлеты стояли храбро, а использовать огнестрельное оружие или газ совет не решался.

Наскоро сооруженное возвышение, на котором располагались трибуны, микрофоны и усилители, было окружено ярко-алым живым кругом. Девушка тут же узнала Петра, который в это время о чем-то ожесточенно спорил с человеком в бело-черной форме стражей. Сян Ю пробилась ближе, стоящие в оцеплении люди попытались остановить ее, но, увидев повязанный на руке бант, расступились.

—...Мне плевать на ваши угрозы, — сжав единственную ладонь в кулак, громко говорил Петр, — если вы попытаетесь оттеснить нас от гроба, начнется давка. Вы осознаете, сколько человек пострадает в этом случае?

Капитан растеряно смотрел на Петра, нервно теребя воротник, и крепко сжимал побелевшими руками рукоять автомата, но выглядел скорее жалко, чем устрашающе.

— Вы должны понимать, что мы едва сдерживаем толпу, — медленно, стараясь говорить убедительно, произнес он, — если вы продолжите блокировать трибуну, толпа может потерять терпение и попытаться смять вас...

— Этого не будет, — коротко заявил Петр.

— Почему вы так уверены?

— Мы надолго вас не задержим, — однорукий лидер атлетов улыбнулся, — мы хотим провести свое выступление и покинуть Пилос без неприятностей. Вы можете гарантировать нам это?

— Совет согласен забыть об этом недоразумении, если вы немедленно покинете площадь, — пообещал страж. — События вышли из-под контроля, но пока еще не поздно решить наши разногласия мирным путем...

— Не унижайте меня вашим враньем, капитан... — Петр увидел ее и улыбнулся. — А вот и ты, Сян Ю. Рад тебя видеть.

Девушка смущенно покраснела и приблизилась, обменявшись с Петром рукопожатием.

— Кто она такая? — нахмурившись, спросил капитан.

— Меня зовут Сян Ю Пулен, — представилась девушка.

— Дочь экзарха? Возможно, вы можете убедить своих друзей прекратить их бессмысленную блокаду? — осведомился капитан.

— Посмотрим, кого мне сегодня придется убедить, — уклончиво ответила Сян.

— Дайте нам несколько минут, и мы покинем трибуну, — пообещал Петр.

— Вы понимаете, что я не могу принимать такие решения? Мне нужно связаться с начальством...

— Делайте, что хотите, — махнул рукой Петр и, положив руку на плечо девушки, отвел ее в сторону, — ты опоздала.

— Я знаю, прости. Мне нужно было закончить речь.

Петр нахмурился, но смолчал. Сян часто пыталась проникнуть в его мысли и узнать, что на самом деле чувствует их бесстрастный предводитель.

Однорукий атлет умело скрывал свои чувства за маской безразличия и спокойствия, он никогда не кричал, редко повышал голос, но Сян Ю чувствовала, что за этой невозмутимостью скрывается яростная и непредсказуемая личность.

— Сегодня важный день, Сян Ю. Я хочу, чтобы ты понимала это.

— Я понимаю, Петр, — кивнула девушка.

— Твоя речь, могу я прочитать ее?

Девушка подала ему электронный блокнот. Лидер атлетов пробежался глазами по тексту.

— Ты хорошо поработала, Сян, — похвалил Петр.

Они поднялись на трибуну. У пульта управления звуковой аппаратуры стоял Марий, работая с переключателями, которые контролировали работу усилителей и громкоговорителей, расположенных по всему Пилосу.

— Жаль, мы не сможем транслировать речь по всем городам Комоса, — сказал он, увидев Петра и Сян Ю.

— Не волнуйся, здесь полно видеокамер, — усмехнулся Петр. — Все каналы массовой информации прикованы к похоронам.

— Остается только надеется, что совет не отключит их, — Марий постучал по микрофону, приглушенный звук разнесся над площадью.

— Толпа волнуется... — прошептала Сян Ю.

Всюду разноцветные одежды: длинные темно-зеленые тоги, черные комбинезоны, белая форма военных, алые цветы атлетских бантов...

Живое море наблюдало за ней тысячей глаз; даже балконы и окна домов были заполнены людьми, некоторые из которых на время похорон выкупили квартиры в центре Пилоса, только чтобы посмотреть на то, как тело инженера Кенала Востера будет предано земле.

— Не волнуйся. Стражи вынуждены помогать нам, — Петр был явно доволен собой и гордился тем, что идея захватить трибуну в начале процессии принадлежала ему.

— Где гроб? — спросила Сян.

Петр указал на стоящий около трибуны катафалк. Его дверца была открыта, внутри, в облицованном черным бархатом салоне стоял полированный дубовый гроб. Рядом с машиной стояло несколько круглых багровых бочек, на которых сидели атлеты, о чем-то приглушенно переговариваясь. Сян Ю нахмурилась, но промолчала.

— Как вам удалось обмануть стражей? — спросила девушка.

— Это было не сложно, — самодовольно сообщил Петр. — Водитель катафалка и несколько людей из сопровождения сочувствуют нам. Как только процессия началась, наши люди задержали охрану и дали возможность машине оторваться от сопровождения.

— Обошлось без жертв? — с надеждой спросила Сян Ю.

До последнего времени атлеты действовали исключительно мирными методами, устраивая демонстрации и митинги, не прибегая к силовым акциям. Во время последнего выступления дошло до рукопашной, но даже тогда все ограничилось синяками и несколькими переломами...

— Один из местных жителей попал под катафалк, — угрюмо сообщил Петр, — насколько я знаю, он госпитализирован. Стражи не гнушаются использовать электрошок и дротики с парализующим эффектом — десять наших бойцов задержано.

— Сян Ю, — позвал Марий, — мы не можем больше ждать. Я настроил аппаратуру, теперь у нас есть громкоговорители.

— Мы рассчитываем на тебя, — сказал Петр и похлопал ее по плечу.

Девушка медленно поднялась на трибуну — каждая ступенька казалась ей непреодолимым препятствием. Еще никогда в жизни Сян не было так страшно. Она приблизилась к микрофону. Этот маленький прибор, почти не претерпевший усовершенствований за тысячелетия своего существования, всегда был символом власти. Тот, кто может донести свои слова до толпы и повелевать ею, управляет государством. Он, а вовсе не правительство, закрывшееся в страхе за дверями парламента...

Люди на улицах волновались, выкрикивали лозунги, размахивали флагами и плакатами. Сян Ю почти почувствовала ненависть и гнев, которую испытывали тысячи людей, когда все они разом посмотрели на нее. Все взгляды были прикованы к трибуне, где стояла стройная молодая девушка, одетая в подчеркнуто скромную одежду: шахтерскую униформу, с алым бантом атлета на рукаве.

— Мы все собрались здесь, чтобы почтить память инженера Кенала Востера! — голос Сян постепенно набирал уверенность, люди замолкали, внимательно слушая ее. — От имени атлетов и всех свободных граждан

Комоса, чьи убеждения совпадают с нашими, я хотела бы сказать несколько слов...

Сян положила на трибуну блокнот, чтобы не упустить ни слова из подготовленного выступления. Это была не ее речь — это были слова Кенала. Ее самого близкого друга и учителя...

— Суть человека в том, чтобы творить, — продолжила Сян Ю. — В незапамятные времена своей дикой юности, существуя в мире, где действовали жестокие законы природы и естественного отбора, человек, не обладая когтями тигра, зубами акулы и ловкостью пантеры не только смог выжить, но и находил в себе силы творить. Быть человеком. Даже сейчас, спустя десятки тысячи лет мы восхищаемся картинами, которые оставили наши предки на стенах своих первых жилищ. Глядя на них, мы ощущаем первобытную энергию, ярость и силу, запечатленную в сочетании линий, нанесенных на камень. Мы можем думать, что далеко продвинулись в нашем развитии, мы восхищаемся достижениями нашей науки, мы покорили космос и расширили свою цивилизацию до невероятного уровня, создав поселения на многих планетах. Но наша суть — суть *homo sapiens* — остается прежней.

Сян глубоко вздохнула, чувствуя прилив сил.

— Всего лишь сочетание линий, нанесенных на камень.

Она выдержала паузу, пристально наблюдая за толпой.

— Также, как и тысячи лет назад, мы восхищаемся картинами наших художников, поэмами наших поэтов, трудами философов, выступлениями певцов... Каждый человек рождается и живет с одной целью — творить. И даже те из нас, кто лишен дара художника или писателя, творят, строя

здания, прокладывая дороги — изменяют мир вокруг себя. Да, мы используем машины и инструменты, чтобы облегчить и улучшить свой труд, но первоисточник творчества остается неизменным. Это душа человека, то, что не может заменить даже самая совершенная машина. Сейчас, перед вами, свободные граждане Комоса, я беру на себя смелость зачитать завещание Кенала Востера, которое совет стремился скрыть от вас!

«Я больше не нахожу в себе сил бороться. Моя жизнь, мой труд, мое призвание обернулись против меня. Я превзошел сам себя, создав разум более совершенный, нежели мой собственный...

В своей самонадеянности и гордыне я совершил ужаснейшее преступление. Я создал не инструмент, но творца. За эту ужасную ошибку я заплатил своей жизнью, потому что я не вижу способа иначе искупить свой грех перед человечеством. Впервые в истории человек встретился с противником, которого он не сможет одолеть, потому что люди не будут желать уничтожения мыслящих машин.

Мои предыдущие работы были не более чем игрушки по сравнению с тем, что я пробудил в последние годы моей жизни. Пожалуй, я могу гордиться собой. Вместе с другими, не менее выдающимися учеными и инженерами, я воплотил древнюю мечту человечества и сотворил разум, способный учиться, самосовершенствоваться и развиваться.

...И пал жертвой собственного творения.

Совет не понимает последствий своих действий — мыслящие машины образца ТАІ были введены в массовое производство, им доверяют должности, которые должны занимать люди, — лучшие из людей!

Пройдет еще немного времени, и машины могут окончательно вытеснить людей со всех руководящих постов. О, да, граждане Комоса и других планет воспримут такое изменение с радостью — машины более совершенны, они лишены человеческих недостатков. Машины не воруют, машины не берут взятки, машины делают лишь то, что наиболее эффективно. Лишь то, что отвечает интересам государства...

Но они не умеют чувствовать!

Машина не будет считать количество жертв среди населения, проводя новую экономическую программу. Машина работает исключительно со статистикой, люди для нее — восполнимый, далеко не самый ценный ресурс. Не более.

Мы стали ресурсом... Как я мог допустить подобное?

Я прошу советников прислушаться к моим словам и изменить свое решение. Возможно, моя смерть поможет вам одуматься. Это единственное, что я могу сделать, чтобы разбить ваш панцирь безразличия. Я прошу вас не устраивать пышных похорон, моей последней волей будет мирно уйти из этого мира в очистительном огне. Пусть прах и пепел, оставшийся от меня, развеют над океанами и морями Комоса.

Видит Бог, я всегда любил море. Мне следовало стать моряком, а не инженером...

Я прошу и заклинаю вас! Созданная человеческим разумом машина не должна служить заменой создавшему ее разуму!

Искренне ваш, Кенал Востер. Инженер»

— Говоря о мыслящих машинах, — намеренно понизив голос, продолжила Сян, — инженер Востер называл их горгульями. Созданиями, лишенными чувств и души. Кенал был гениальным инженером и ученым, но даже он был не в силах наделить рукотворное создание человеческой душой. Мы не научили наши создания чувствовать и разделять наши стремления. Мы не научили их плакать и любить. Быть может, однажды будет создана машина, наделенная подобными качествами. Вы спросите меня, стану ли я бояться такой машины?

Девушка улыбнулась.

— Я рассмеюсь вам в лицо. Потому что такая мыслящая машина уже была создана и имя ей — Человек. Зачем создавать горгулий и ставить их выше себя, если мы уже сейчас, без длительных и кропотливых исследований можем создавать то, к чему так страстно стремимся? Ведь каждый из нас может творить новых людей. И может творить для людей. Зачем же, мои дорогие сограждане, стремиться к этому столь изощренным и странным способом?..

Сян повернулась к толпе спиной и покинула трибуну.

...Молчание повисло над площадью святого Льва. Казалось, тишина навечно окутала Комос. Но вот раздался первый возглас, к нему присоединились другие — и вскоре толпа, забыв свои старые лозунги, скандировала лишь одно имя.

«Сян Ю...»

Кричали атлеты, простые горожане, оптимисты, умеренные и технократы. Кричали солдаты, дети и старики. Восторженный гул заполнил

Пилос, проносясь по всем его площадям и улицам. И, хотя Сян Ю и ее соратники не могли видеть этого, все демонстрации, которые проходили в других городах перед огромными экранами, на которых велась трансляция похорон, подхватили клич...

«Сян Ю Пулен!»

Имя, которое внезапно стало столь важным и знакомым всем жителям Комоса.

Девушка, утирая слезы, присела отдохнуть. Она чувствовала себя измотанной, как будто пробежала несколько миль без отдыха и передышки.

— Ты... — Даллик посмотрел на нее изумленными, широко раскрытыми глазами, — я не знаю, что ты сделала, и как тебе это удалось. Я почувствовал себя таким маленьким и ничтожным, слушая тебя... это потрясающе. Даже лучшие ораторы Комоса не могут сравниться с тобой!

— Художник прав, — Петр выглядел пораженным и, как ни странно, испуганным, — я никогда не думал, что простые слова могут воздействовать на меня. Ты обладаешь поразительным даром, Сян Ю.

— Спасибо вам, — попыталась улыбнуться девушка. Из ее глаз струились слезы, губы дрожали, с трудом выговаривая слова.

— Ну что ж, — Петр решительно зашагал к трибуне, — пришло время завершить выступление.

— О чем он? — спросила Сян Ю.

— Петр знает, что делает, — ответил Даллик.

— Что он собирается делать? — девушка с возрастающим страхом наблюдала за одноруким атлетом.

— Сейчас увидишь...

Петр легко поднялся на трибуну, расправил плечи и попытался придать себе уверенный и величественный вид. Несмотря на твердость характера и силу воли, он не любил публичных выступлений, теряясь под бесчисленными взглядами незнакомых людей, но сейчас Петр призвал всю свою выдержку, зная, что обязан произнести всего лишь несколько слов...

— Завершая наше выступление,— громко сказал он, — мы выполняем последнюю волю инженера Кенала Востера!

Он указал рукой на катафалк. Сян обернулась и вскрикнула: атлеты выволокли гроб из машины, сорвали с него крышку и начали поливать тело Кенала бензином из заранее подготовленных бочек и канистр.

— Нет! Остановитесь!!! — закричала девушка.

Она бросилась к Петру, схватила его за плечо и развернула к себе. На лице лидера сияла победная улыбка.

— Они не смогут отнять у нашего друга его последнее желание, — сказал он, взяв Сян за руку.

Девушка со всей силы ударила мужчину по лицу, разбив ему нос.

— Останови их!

Но было поздно — гроб вспыхнул, заполнив площадь тошнотворной вонью горелого мяса.

— Петр! Пришло сообщение из совета, — взволнованно крикнул Марий, — экзарх Оливер Пулен снял с себя полномочия... совет дал разрешение на использование огнестрельного оружия! Нам лучше уходить отсюда!

Петр сплюнул кровью и зло посмотрел на Сян Ю.

— Они не посмеют, — процедил он. — Не посмеют...

...Сян даже не обратила внимания на последовавший хлопок. Лишь увидев, как из пробитой шеи ее друга длинной алой дугой брызнула кровь, девушка поняла, что это был выстрел.

— Не посмеют... — Петр хрипло, отрывисто вздохнул и отступил от повалившегося на землю Мария.

Паника охватила толпу: люди заметались, крича, толкаясь и топчя друг друга, сминая все на своем пути. Стражи, объединившись в небольшие группы, отбивались от беснующейся толпы и продолжали расстреливать атлетов. Возле трибуны вспыхнула драка, несколько атлетов завладели оружием и открыли ответный огонь. Площадь превратилась в кровавый ад.

— Ты! ТЫ... — Сян Ю, все еще не в силах поверить в происходящее посмотрела на Петра.

— Посмели... убийцы! — Петр бросился к микрофону и закричал: — Убийцы!!!

Пуля, чиркнув по перилам, высекла искру из металлического основания трибуны в каком-то сантиметре от ноги Петра. Сян Ю бросилась к нему и повалила на землю.

— Слезь с меня! — однорукий атлет толкнул ее, — я должен быть с моими людьми!

Перемахнув через перила, он скрылся в толпе.

...Бой продолжался, войска теснили демонстрантов, в солдат летели камни и бутылки, многие граждане объединились с атлетами, чтобы дать отпор хладнокровно расстреливающим их солдатам в черно-белой форме.

Кое-где прямо среди мечущихся людей, усугубляя панику, начали расти крупные зеленые грибы удушающего газа...

Кто-то схватил Сян за локоть и поднял ее на ноги.

— Это безумие! Мы должны уходить отсюда! — Даллик потянул ее за собой.

Толпа прорвалась к трибуне, стараясь скрыться с площади, разбегаясь в разные стороны, как стая крыс. Люди толкали друг друга, не обращая внимания на крики и мольбы о пощаде — стариков и детей затаптывали. Те, кто падал на землю, уже не мог подняться.

— Держись за меня, — шептал Даллик, — не отпускай мою руку!

Они пробивались, подхваченные потоком человеческих тел. Сян споткнулась и чуть не упала, наступая ногами на что-то мягкое, она успела посмотреть под ноги и увидела, что это все еще пытающаяся подняться маленькая девочка...

— Не смотри! — Даллик тянул ее за руку, больно сдавливая запястье, — не останавливайся!

Толпа вынесла их на один из проспектов, которые соединялись в центре города — на площади святого Льва, где сейчас шел бой и кровавая давка. Казалось, спасение близко, но внезапно поток остановился, люди пытались пробиться вперед, но те, кто стоял впереди, напротив поворачивали и бежали назад, усугубляя неразбериху.

— В чем дело? — охрипшим голосом спросила Сян Ю.

Стоящие перед ними люди расступились, и Сян с ужасом увидела колонну солдат, перегородивших улицу. Офицер, командующий отрядом, поднял руку. Выброшенные вперед дымовые пашки, вертясь на земле, окутывали их плотным темным покрывалом, мешая ориентироваться. Даллик шагнул вперед, заслонив собой девушку.

— Сян, mon cheri... — прошептал он.

«Сиана! Всегда зови меня Сианой!»

Многочисленные выстрелы слились в единый залп. Даллик упал и повалил ее на землю. Сян Ю поднялась и перевернула его на спину. Художник был мертв: пули разорвали на нем одежду, пробив грудь. Лицо Даллика было залеплено кровью, кожа на виске сорвана — ему отстрелило ухо.

Девушка, тяжело дыша, уставилась на человека, который всего несколько секунд назад говорил с ней, тащил ее за собой, спасая от верной смерти. Теперь он был мертв.

Она подняла голову. Улица была завалена убитыми и ранеными, они отрывисто кричали, извивались на земле в лужах крови, пытались уползти...

Оставшаяся часть толпы в панике отступала, стремясь вернуться на площадь, откуда доносились протяжные, раскатистые автоматные очереди.

Сян бессильно сидела на политом кровью тротуаре, не делая попыток убежать. Она вновь подняла глаза, только когда на нее упала чья-то тень. Это был солдат — его бело-черный мундир покрывали багровые пятна впитавшейся в ткань крови. Лицо не выражало никаких эмоций.

«Мы тоже можем быть машинами, — отстраненно подумала Сян, — Чем мы лучше их? Просто статистика... расстрелять сотню, чтобы не дать погибнуть тысяче. Меньшее зло — единственное истинное зло, потому что оно служит оправданием любому другому злу...»

Солдат поднял пистолет...

Внезапный удар выбил оружие из руки военного.

— Прекратить! — раздался знакомый голос.

Сян поднялась на подкашивающиеся ноги, ее заметно трясло.

— Кто вы такой и почему приказываете мне? — возмутился удивленный офицер.

— Я когитор, — пришедший к ней на выручку молодой человек толкнул солдата. — Вы стражи или мясники?! Почему вы расстреливаете мирных жителей?

— Чтобы локализовать беспорядки, — огрызнулся офицер, — они не должны распространиться за пределы центра города!

Молодой человек ударил офицера ладонью по щеке.

— Глупец! — прошипел он, — добивать раненных вам тоже приказывали?!

— Вы не имеете права... — начал офицер.

— Я приказываю вам увести войска! — крикнул когитор.

— Я подчиняюсь только приказам совета. Отойдите в сторону, иначе я применю силу, — предупредил офицер.

Когитор выхватил из кобуры пистолет и, приставив его к голове офицера, дважды выстрелил, забрызгав себя кровью. Направив оружие в сторону опешивших солдат, он прошипел сквозь зубы:

— Так будет с каждым, кто убивает или издевается над пленными и ранеными.

Несколько солдат вскинули ружья, но, по-видимому, все еще не решались выстрелить в когитора.

— Бегите, — приказал молодой человек.

Сян только крепче вцепилась в его плечо. Ей некуда было больше бежать...

— Бросьте оружие и подымите руки! — приказал усиленный громкоговорителем голос.

Со стороны площади приближалась группа людей, многие из них были одеты в подобие военной формы: зеленые комбинезоны и высокие армейские сапоги. Шею их предводителя украшал длинный шелковый темно-зеленый шарф. Сян Ю вспомнила, что это был символ «Псов Комоса». В

сопровождавшей его толпе девушка узнала некоторых атлетов, которые уже избавились от опасных, привлекающих стрельбу алых бантов.

— Кто вы такие? — выкрикнул один из солдат.

— Гражданская когорта Комоса, — громко крикнул предводитель колонны, — бросайте оружие!

— За Комос! — закричал солдат и открыл огонь.

Когитор выстрелил, сбив солдата на землю. «Псы Комоса», вооруженные ножами и дубинками бросились в атаку. Хлесткая автоматная очередь скосила их первые ряды, но остановить не смогла. Солдат повалили на землю, коля ударами ножей и забивая ногами.

— Я знаю вас, — внезапно вспомнила Сян Ю, все еще не отпуская плечо своего спасителя, — там... в вагоне монорельса...

— Мир тесен, — было видно, что сегодняшний день также тяжело сказался и на молодом капитане, его губы подрагивали, но в целом он сохранял поразительное спокойствие, — меня зовут Тет'р.

— Я Сян... Сян Ю Пулен, — произнесла девушка.

— Сестра, возьми! — увидев шахтерский комбинезон Сян, один из «Псов Комоса» протянул ей отобранный у солдат пистолет.

Девушка приняла оружие, с опаской сжав его в руке. Происходящее напоминало дурной сон, события происходили настолько быстро, что сознание не успевало осмыслить их.

— Вы! На вас форма преступного правительства! — предводитель колонны был ранен в плечо, но продолжал командовать, ограничившись уколом обезболивающего и наспех наложенной повязкой.

— Я когитор Тет'р Батлер, — представился молодой капитан.

— Никогда не слышал о вас.

— Назначен сегодня.

— Считайте, что вам повезло, — усмехнулся пес. — А вы?.. Сян Ю Пулен?

Девушка кивнула.

— Мы всюду искали вас. Оставайтесь здесь — за вами скоро придут.

— Что происходит? — спросила Сян.

— Резня... — прошипел предводитель когорты. — Правительство отдало приказ расстрелять демонстрацию. Они боятся, что волнения перерастут в революцию, но теперь уже поздно. Мы сумели навести порядок на площади святого Льва, теперь зачищаем переулки. Войска бегут... они понимают, что будет, попадись они в наши руки...

Двое шахтеров поволоки под руки отбивающегося и кричащего солдата, бросив его на землю, они начали избивать его ногами. Блеснул нож — и шахтер, ликуя крича, поднял над головой отрезанное ухо. Сян Ю замутило.

— Держитесь... — взяв ее за руку, прошептал Тет'р.

— Как вы... переносите это? — спросила Сян.

— Я участвовал в беспорядках на Гьеди Прайм. Тогда были расстреляны пять тысяч рабочих... — он зажмурился. — Если бы я знал, что мне придется увидеть подобное на Комосе...

— Вы капитан корабля? — Сян Ю постаралась сменить тему разговора, пытаясь оградить себя от происходящего вокруг кошмара. Глядя в глаза псов и шахтеров, она поняла, что они также не до конца отдают себе отчет, словно находясь в гипнотическом трансе...

— Был капитаном, — поправил Тет'р, — теперь я когитор.

Предводитель когорты вернулся, держа в руках коммуникатор. На его измазанном сажей и кровью лице сияла улыбка.

— Победа! Мы взяли штурмом здание правительства! Советники отстранены и арестованы. Теперь им предстоит ответить за свои преступления!

— Но как вам удалось так быстро организовать людей? — спросил Тет'р.

— Мы ожидали, что правительство допустит ошибку во время похорон, — признался пес, — но на такое, разумеется, не рассчитывали. В любом случае многие военные отказались выполнять приказ, побросали оружие или перешли на нашу сторону... у нас есть сторонники: атлеты и шахтеры в их числе.

Сян вспомнила, как отзывался Петр об умеренных, и недоверчиво покачала головой. Псам предстоит много работы, если они действительно вознамерились сплотить общество Комоса под своими знаменами.

— Петр... вы нашли его?

— Вы говорите о том одnorуком парне, который спровоцировал резню? — осведомился пес. — К сожалению, его еще не нашли, но когда мы поймем его, будьте уверены — он предстанет перед судом за свою глупость.

«Если он жив», — подумала Сян, вспомнив давку на площади, в которую бесстрашно поспешил Петр.

— Когитор, — обратился пес к Тет'ру, — нам понадобится ваша помощь, кто-то должен помочь нам успокоить народ и навести порядок...

— Я согласен, — кивнул Тет'р, — прошу вас, нам нужно обеспечить безопасность университета!

— Разумеется, однако, это не наша задача. Сян Ю Пулен, — пес окинул девушку взглядом, — ваше выступление... я никогда в жизни не слышал ничего подобного. Вы гениальный оратор. Атлеты присоединились к нам, надеюсь, вы также изъявите желание встать под сигнум...

Сян Ю шмыгнула носом. Сама мысль о том, чтобы вновь предстать перед людьми вызывала в ней ужас.

Их разговор прервала остановившаяся посреди улицы черная машина. Ее дверь открылась, высунувшийся из салона Оливер Пулен махнул дочери рукой: «Сян, сюда, скорее!»

— Наконец-то, — с облегчением вздохнул пес, — вас отвезут в безопасное место — уличные бои еще далеки от завершения. Удачи вам, Сян Ю.

Девушка шагнула к машине, но внезапно развернулась, и, схватив когитора за руку, потянула его за собой.

— Вы должны ехать со мной! — взмолилась она.

— Я не могу, — Тет'р высвободился и отступил на шаг назад. — Я должен помочь людям...

— Когитор нужен нам. Кто-то должен успокоить народ, — повторил пес.

Девушка кивнула, развернулась и побежала к отцу. Когда она уже садилась в машину, Тет'р окликнул ее:

— Сян Ю! Как мне снова найти вас?

— Я сама вас найду! — крикнула девушка и закрыла дверь.

Электромобиль, стремительно набирая скорость, унес ее прочь.

Сян глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Все кончилось... убийства... смерть Даллика — все позади. Более не сдерживаясь, девушка зарыдала. Оливер подал дочери платок.

— То, что произошло сегодня, — медленно сказал он, — это чудовищная ошибка. Я подал в отставку, не желая мириться с решениями Совета... я и все делегаты от умеренных.

— Что будет теперь, отец? — спросила Сян Ю.

— Репрессии не закончатся казнью советников, — покачал головой Оливер. — Я боюсь за наши жизни, дочь. Семья Пулен известна своим

консерватизмом... я слишком часто выступал с речами в поддержку старого Совета и монополии Ричеза. Псы не простят мне этого.

— Но отец... умеренные собирают вокруг себя всех противников власти. К тому же я атлет и...

— Нет, дочь. Ты не понимаешь. Как только они разберутся с Советом, начнутся репрессии против атлетов, технократов, шахтеров. «Псы Комоса» не потерпят оппозиции. Боюсь, сегодня мы свергли одно зло, чтобы привести на его место еще большее...

— Я не понимаю, — призналась Сян, — разве псы не спасли нас?

— Псы спасли себя и только себя. Не их заслуга, что они дали возможность спастись и нам также, — грустно улыбнулся Оливер Пулен. — Ты поймешь, дочь, обязательно поймешь меня...

— Куда мы едем? — взволнованно спросила Сян, когда они выехали из города.

— К станции монорельса, — пояснил Оливер, — ее контролируют псы. Они хотят, чтобы мы вместе с эскортом вернулись домой. Там они будут содержать нас под домашним арестом, пока не решат, что делать с нами дальше...

Сян Ю затравленно посмотрела в окно на удаляющуюся столицу, над домами Пилоса клубились черные колонны дыма.

— Что же нам делать? — прошептала Сян.

— Ничего. Мы не поедem домой, — отец невесело улыбнулся, — во всяком случае, ты не поедешь. Перед станцией я сделаю только одну остановку...

Он протянул дочери большой белый конверт. Сян развернула его — внутри были документы: паспорт, свидетельство о рождении, медицинская карта и другие бумаги, которые имел любой житель Комоса. Девушка открыла паспорт — документ был составлен на имя Джеанны Комос. Такую фамилию давали сиротам и незаконнорожденным детям. С фотографии на нее смотрела девушка с короткими белыми волосами и фиалковыми глазами, Сян потребовалось несколько минут, чтобы узнать в ней себя.

— Что это? — спросила девушка.

— Ты, — коротко ответил отец, — я не могу рисковать тобой, Сян. Ты будешь жить... клянусь своей душой.

— Но куда мне бежать? Что делать?

— Все уже решено. Ты отправляешься на учебу в школу жриц. Понимаю, это далеко не то, о чем ты мечтала но...

— Отец! — Сян обняла его и заставила замолчать, — мы когда-нибудь еще увидимся?

— Не знаю... — честно признался Оливер.

Машина остановилась возле опушки леса.

— Иди прямо по тропинке. Тебя будут ждать...

Они вышли из машины. Воздух был удивительно чистым по сравнению с заполненной дымом и кровью столицей. Сян плакала, прижимая к лицу платок.

Оливер подошел к кабине водителя и постучал кулаком по стеклу. Когда водитель опустил стекло, бывший экзарх хладнокровно застрелил его.

— Как же это легко, — Оливер взвесил в ладони пистолет, — убить человека. Пять сотен лет без войны и насилия... а убиваем все также легко. Я не могу оставлять свидетелей. Беги, Сян, у тебя мало времени!

— Отец, прости меня! — прошептала девушка.

— Мне не за что прощать тебя, дочь.

Оливер Пулен вытащил тело водителя и сел на его место. Взмахнув на прощание рукой, он ударил по педали газа и, набрав максимальную скорость, умчался прочь. Сян проводила взглядом удаляющийся электромобиль — отец понимал, что она не сможет бросить его... и поэтому бросил ее, чтобы дать возможность спастись.

Марий, Даллик, Петр, отец. У нее больше не было никого.

Вся жизнь Сян Ю Пулен была разрушена одним ужасным днем.

Прижимая к груди пачку документов и утирая лицо грязным платком, Джеанна Комос пошла навстречу своей новой жизни.